ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 73 (3102) Суббота, 20 июня 1953 г. Цена 40 коп.

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

ПЕРЕСАДКА ОТМЕНЕНА

На советских железных дорогах осуществлено нововведение, которое дает возможность организовать беспересадочное сообщение между Москвою и столицами ряда стран демократического лагеря. Раньше этому мешала разная ширина железнодорожной колеи, существующая в нашей и других странах.

Как же удалось осуществить беспересадочное сообщение? Этот вопрос корреспондент «Литературной газеты» задал начальнику Главного пассажирского управления Министерства путей сообщения СССР генерал-директору движения 2-го ранга Г. Запорожцеву.

— Как известно, — сказал Г. Запорожцев, — из Москвы к польской границе с Белорусского вокзала ежедневно отправляется курьерский поезд Москва — Брест; с Киевского вокзала уходят поезда до пограничных станций Чоп и Яссы. Отсюда пассажиры следуют дальше в Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию. С Ярославского вокзала отправляется поезд до станции Маньчжурия. На этих пограничных станциях пассажирам, следующим за границу, приходится делать пересадку.

В Будапеште вчера встречали пассажиров, которые совершили путешествие из Москвы до столицы Венгрии. В этом, собственно, ничего примечательного не было бы, если не одно обстоятельство: на пограничном пункте пассажирам не пришлось делать пересадки, как это было до сих пор. Вагон при помощи электрических домкратов был поднят. Из-под него выкатили тележки с колесами, рассчитанными на широкую колею. Вместо них поставили тележки более узкой колеи, принятой за границей. На всю эту операцию потребовалось полчаса.

Теперь, благодаря тому, что имеется возможность заменять тележки у вагонов, осуществляется беспересадочное железнодорожное сообщение между Москвой и Прагой, Москвой и Бухарестом, Москвой и Софией.

Ведется подготовка к организации беспересадочного, сквозного движения между Москвой и Пекином. Курьерский поезд будет совершать рейсы по маршруту Москва — Свердловск — Новосибирск — Чита — Отпор — Маньчжурия — Харбин—Пекин. Путь от Москвы до Пекина поезд пройдет за девять суток. На границе у всех вагонов будут заменяться тележки.

Проводники поездов в настоящее время изучают китайский язык, знакомятся с правилами движения поездов, с системой сигнализации, принятой в Китае. Беспересадочное сообщение между Москвой и Пекином откроется в конце года.

БЕЗ РУЧНОГО ТРУДА

По заболоченной лощине, заросшей лозняком и ольшаником, движется могучий трактор «С-80». Он тянет за собой двухъярусный плуг с двумя широченными отвалами. Там, где прошел трактор с этим плугом, кустарник исчез. Он срезан и глубоко запахан в землю. Вместо болотных кочек и кустарника появилась пашня. Корпус первого верхнего яруса плуга срезает кусты, второй корпус, расположенный ниже, заваливает их глубоким пластом.

Долгие годы хлеборобы Белоруссии вручную отвоевывали у болот скупые клочки земли. Сколько надо было приложить труда, чтобы вырубить кустарник, раскорчевать, вскопать лопатой небольшой кусок болотистой почвы! Теперь, когда освоение непригодных земель в Белоруссии началось в широких масштабах, рукопашная война с болотами потеряла всякий смысл. На смену примитивным орудиям идет могучая советская техника: универсальный канавокопатель, кротово-дренажная машина, двухъярусный болотно-кустарниковый плуг. Все эти машины созданы группой ученых в стенах Института механизации и электрификации сельского хозяйства Академии наук БССР. Одни из машин прошли испытания и переданы в серийное производство, другие — такие, например, как двухъярусные болотно-кустарниковые плуги, — испытываются.

— Какие еще новые машины созданы институтом для сельского хозяйства?

— Государственные испытания,—ответил на этот вопрос директор института проф. М. Мацепуро,—проходит кормоприготовительный комбайн. Это — кормокухня, которая заменяет все отдельные машины, созданные для мойки и корнерезки, а также запарные чаны, картофелемялки, водонагревательные баки. Кормокомбайн может работать вместе с машиной для размола концентрированных кормов. Таким образом, эти две машины смогут без какой-либо помощи ручного труда заготавливать ежедневно корм для 800—900 свиней и 400—500 голов крупного рогатого скота. Институтом разработана еще одна новинка, механизирующая приготовление грубых кормов для крупного рогатого скота. Она включает соломорезку, гидролизные чаны, ванны для дрожжевания кормов, воздухонагнетатель. Применение такого способа переработки грубых кормов значительно повышает их питательность.

МИНСК. (Наш корр.)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В колхозном гараже села Большая Александровка водитель Андрей Васильевич Андреев принимает новую грузовую автомашину. Вначале он осматривает весь положенный машине инструмент, запасную резину, канистры, затем садится в кабину и, не торопясь, мягко нажимает ногой на стартер. Несколько минут мотор работает вхолостую, и Андреев, положив руки на руль, прислушивается к его тактам.

В стороне стоят несколько колхозников, и у всех на лицах добрая улыбка. Андреев замечает это и широко улыбается в ответ. Двери гаража распахнуты, машина медленно выезжает на широкий колхозный двор, и только тут обнаруживается, что в кузове ее, ранее не замеченные, притаились ребятишки: теперь они вскочили на ноги и машут руками.

— Ну вот и вернулся, — говорит один из колхозников. — И хорошо! Глядите, как осторожно едет...

Андрей Васильевич Андреев в этом колхозе человек не новый — раньше работал здесь шофером. В прошлом году, вечером, он ехал по проселку, вез с поля сено. В пути что-то случилось со светом,— неожиданно потухли фары. Дорога была знакомой, и Андреев понадеялся на свое зрение: авось доедет и так! Преступная халатность водителя, нарушившего правила движения, обошлась дорого. В темноте Андреев не заметил повозки, которая ехала с краю проселка, и на ходу зацепил ее. Почувствовал толчок, испугался; машина с разгона въехала в обочину. Обошлось, к счастью, без человеческих жертв, но была искалечена лошадь, повреждены повозка и машина.

Андреева судили. В заключении Андреев пробыл недолго, вернулся домой после амнистии. Ехал — не знал: разрешат ли снова работать водителем.

— Что ж, Андрей, — сказали ему в правлении колхоза, — больше такого случиться не должно. Принимай машину, работай!

...Машина, сделав круг по колхозному двору, возвратилась к гаражу. Андреев вышел из кабины и погладил рукой капот мотора. Завтра утром он выедет в первый дальний рейс.

Машина Андреева будет проезжать мимо полей колхоза имени Ленина — соседнего села, и, возможно, встретит он здесь возвратившегося вместе с ним домой после амнистии Михаила Хмельницкого. В прошлом году Хмельницкий был осужден на три года за злоупотребление при охране колхозного добра. Теперь он снова принят в колхоз, попрежнему работает в бригаде; за полмесяца на счету у него накопилось уже около тридцати трудодней.

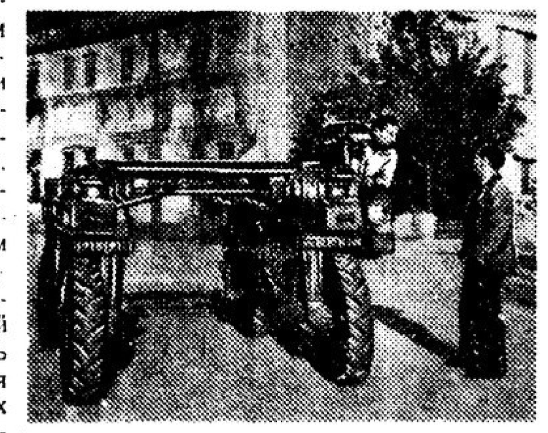
Вдвойне радостен и приятен сегодня труд для А. Андреева и М. Хмельницкого, полностью прощенных государством, восстановленных в своих гражданских правах. И не менее радостно и приятно то благородное общественное внимание, которое они встретили с первых же дней возвращения домой, где их ждали и прежняя работа и искреннее, доброжелательное отношение людей.

А. ГАЛИНСКИЙ,
корреспондент «Литературной газеты»

КИЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Необычная машина

Вы видите на снимке новую самоходную машину «ЧС-1,5» харьковского завода «Серп и молот». Эта необычная и оригинальная машина сконструирована инженером специального конструкторского бюро в Тбилиси А. Абжандадзе. Она будет обрабатывать междурядья чайных плантаций, хлопка, табака, кукурузы, подсолнечника и других растений с высоким стеблем. Благодаря большим колесам корпус машины поднят над землей на один метр тридцать сантиметров. Проходя между рядами поверх растений, машина не касается их, не портит. В случае необходимости у новой машины можно легко изменить ширину колеи — расстояние между колесами.

Еще одна особенность «ЧС-1,5» — она приспособлена для работы на крутых склонах, где обычно растут чай, табак. Двигаясь по склону, машина сможет все время держать колеса в вертикальном положении. Это придаст ей такую же устойчивость, как и на ровной местности.

Фото Б. ВДОВЕНКО

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Ф. ВИГДОРОВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

За дверью слышится громкий смех. Кто-то кричит:

— Здо́рово! Вот это здо́рово!

— Теперь я! Моя очередь! — перебивает другой голос.

Как видно, там, за дверью, очень весело. Стучу — никто не отвечает. Стучу громче — опять нет ответа. Решаюсь — и приоткрываю дверь.

Комната большая, квадратная, с высоким потолком. Посредине — обеденный стол, на нем в беспорядке валяются учебники. Но трое подростков заняты не учебниками, а чем именно — я не сразу понимаю. Все взгляды устремлены вверх. Поднимаю глаза и я — и вижу: потолок весь испещрен комками жеваной бумаги.

Как ни говорите, а стрелять в потолок жеваной бумагой — не такое уж почтенное занятие для учеников восьмого класса. И даже если вы не задаете никаких вопросов, все равно — с заминкой, с неловкостью вам пытаются объяснить, что происходит.

— Это мы так просто... играем,— произносит смуглый курносый паренек.

— Вам маму? Она скоро придет. Садитесь, пожалуйста... А мы уже сделали уроки и вот... отдыхаем,— это говорит мальчик, которому не дашь его лет — маленький, хрупкий; у него голубые глаза и очень подвижное лицо.

Третий молчит. Он выглядит старше своих товарищей; про таких уже говорят «юноша» — у него и прическа заботливей сделана, и галстук взрослый, и повязан старательно.

В ожидании мамы начинается разговор. Сперва он идет туго — в нем больше пауз, чем слов...

Все трое учатся в восьмом классе. Учатся хорошо («не отличники, но троек нет»). Все много читают — и по программе, и «остальное, что попадет под руку». Но вообще-то читать некогда. Что, много уроков? Да, очень. Свободного времени почти совсем не остается. Что делают в свободное время? Ну, зимой, конечно, каток, лыжи. Ну, кино, конечно. В гости друг к другу? Нет, это редко. Это больше девочки в гости друг к другу ходят, а мальчикам некогда.

Я не стала придираться к словам и уверять их, что уж лучше пойти в гости, чем стрелять в потолок жеваной бумагой. Да это было бы и ни к чему: все трое уже забыли, в какую именно минуту состоялось наше знакомство, и теперь охотно рассказывали о себе, о своих делах и занятиях.

Да, зима была трудная: школа, уроки, уроки, школа — прямо вздохнуть некогда! Но вот зато лето впереди!.. Тут последовала такая выразительная пауза, что стало ясно: у них много замыслов и планов. Что же они собираются делать летом? Оказалось: один поедет к бабушке в деревню, другой— в лагерь, а третий, тот, что постарше, останется в Калуге, но это его не огорчает: ведь «летом время легко убить!»

У него умные, живые глаза — откуда у него взялось это желание «убить время»? Драгоценное свободное время, которого весь год так мало, которого только летом вдоволь,— зачем же его убивать? Но ребята искренно удивились моему недоумению. Они даже не сослались на то, что это, мол, просто выражение такое,—нет, они настаивали на его точном смысле: если не заметишь, как день пролетит, вот, значит, и убил время!

* * *

Маркс, зорко провидя будущее, не раз возвращался мыслью к проблеме свободного времени, называя его пространством для развития способностей человека. В одной из заметок, которые делал Маркс для себя, он писал:

«Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства это сбережение можно рассматривать как производство **основного капитала;** этим основным капиталом является сам человек».

Маркс предвидел и предугадывал, каким станет человек нового, бесклассового общества: не замкнувшийся в одной своей профессии, не скованный рамками узкой специальности, а гармонически развитый и всесторонне образованный, обладающий широким кругозором, великим богатством знаний и интересов. Это возможно тогда, когда общество дает людям свободное время, остающееся после производительного труда, и люди могут и умеют правильно и разумно этим досугом воспользоваться.

Из школы выносит человек умение дорожить свободным часом, ценить минуты наедине с книгой, с любимым делом, минуты раздумий и поисков. Не столь уж много свободного времени оставляет детям школа. Но то, которое есть, — может ли оно быть названо пространством для развития способностей и дарований?

Часто, разговаривая с родителями и учителями, начинаешь думать, будто свободное время — не богатство, которым нужно дорожить, а бич, опасность, которую следует избегать и бояться.

В скупо отмеренные учебным распорядком свободные часы школьник, как лодчонка, которую подхватывает всяким случайным течением и случайным ветром. Товарищ позвал в кино, а другой тянет на каток—за что взяться, куда пойти? И ведь это еще хорошо, если каток или кино! И даже стрельба в потолок жеваной бумагой — это, право, не самое худшее!

В портфеле редакции сотни писем: «Я — мать-одиночка. Прихожу домой поздно, не могу следить за сыном, он совсем отбился от рук. Что мне делать?» Это письмо из Архангельска.

«Я с ужасом думаю о лете: ведь за лето, когда мой сын будет совершенно предоставлен себе, он окончательно испортится»,— это письмо из Орла.

«Хуже нет, когда у ребят много свободного времени. На нашей лестничной площадке целая ватага ребят проводит по три часа в день. Они болтают, кричат, нередко играют в карты. А то подожгут целую коробку спичек и перебрасываются горящими спичками. Неужели школа не может занять их чем-нибудь другим?» — это пишет группа москвичей.

Во многих письмах повторяется этот упрек школе за то, что она «не умеет занять», «не вовлекает в кружки», не интересуется, как «проводят ребята свободное время».

Так ли это?

Вот в Калуге, например, есть городская детская библиотека, детский кинотеатр, Дом пионеров, в школах — предметные кружки. Нигде — ни в библиотеке, ни в Доме пионеров, ни в школах — мы не встретили равнодушия, безразличия к судьбам ребят. И, однако, повсюду мы слышали: «Как ни стараемся занять свободное время, а все-таки справиться с этим не можем. Разве за каждой минутой уследишь?»

«Уследить за каждой минутой...», «занять время...» Да, это невозможно! Но, в сущности, не это и нужно.

Калужский школьник Ваня Юдин был очень мал, когда умерла его мать. Через несколько лет ванин отец женился вторично; мальчик не захотел жить в новой семье и остался с бабушкой. Ему было лет десять тогда. Прошло четыре года. С обычной точки зрения Ваня — безнадзорен; отец его очень занят и редко навещает сына, бабушка стара и не может непрестанно следить за внуком. Но в таком неотступном наблюдении и нет нужды. У Вани есть нечто такое, что наполняет его жизнь, делает ее по-настоящему интересной и счастливой, и поэтому вовсе нет надобности следить за каждым его шагом и вести учет его свободным минутам. Ваню интересует все живое, особенно растения. Взгляните на его библиотечный формуляр. Тут много книг—путешествия, приключения, школьные повести, и среди всего этого красной нитью проходит основное: книги о растениях, о цветах. Вот это и есть лучший надзор — **надзор любимого дела,** которое всегда с тобой, которому отданы и досуг, и внимание, и мысли. У Вани лучшие в школе комнатные цветы, он много читает и много знает о зеленом мире. И хотя этот мальчик растет без домашнего контроля и надзора, проблема дисциплины здесь не встает, и никто не боится, что Ваня собьется с пути.

А у тринадцатилетнего калужанина Юры Максимова есть и отец и мать. И все же ни родители, ни школа пока не могут помешать страстной привязанности, которую питает Юра к голубям. Для Юры голуби — и счастье и проклятье. С голубями у него связаны лучшие минуты жизни, и если надо выбирать между школой и голубями, он, ни минуты не задумываясь, отдает предпочтение голубям. О чубатых, о почтовых, о турманах и о самых обыкновенных сизарях он может рассказывать полдня без передышки. Конечно, здесь проблема свободного часа решается своеобразно: «свободным» оказывается все время суток, кроме того, что уходит на сон.

Однажды на педагогическом совете 276-й московской школы возник спор об авторитете учителя. Речь шла об одном классе, который очень любит своего классного руководителя и превосходно ведет себя в его присутствии. Но стоит этому учителю заболеть или надолго отлучиться из школы,—с его классом нет никакого сладу. «Недолгий авторитет у этого воспитателя»,— сказал кто-то. И все почувствовали, что найдено справедливое и точное слово. Да, подлинное уважение к учителю предполагает **долгий авторитет,** такой, который действует независимо от того, смотрит на тебя испытующий взор учителя или нет.

Долгим должен быть и авторитет любимого дела, любимой области знания. Если в школьнике пробудились интерес и способности к истории или к химии, надо, чтобы этот интерес освещал не только уроки по этому предмету, но и свободный час, час раздумья.

* * *

В почте, которая приходит в редакцию, есть письма, полные глубокой горечи. В них идет речь о детях, которых упустили семья и школа, а, упустив, уже не могут найти. А это значит — если и не погубленные судьбы, то судьбы со щербинкой, характеры с искривлением, которое не всегда можно просто и легко выпрямить.

Родители пишут о том, что именно в свободный час, если он пуст и не сулит ни мысли, ни встречи с книгой или с любимым делом,— именно в этот безнадзорный и бессодержательный час и рождаются безответственность, склонность к озорству, далеко не всегда безобидному, неуважение к окружающим людям, к чужому труду. Обществу придется исправлять эти искривленные характеры, чтобы получить полноценных граждан, настоящих людей, — только тогда они смогут быть и людьми счастливыми.

Со свободным временем связана успеваемость, потому что если школьник думает только о голубях, то вряд ли его табель будет украшен пятерками. Со свободным временем нераздельно связано нравственное воспитание. Школьник приучается чувствовать ответственность за свое поведение, дорожить свободными минутами и не растрачивать их попусту.

Свободное время неотделимо от духовного развития наших детей. От учителей нередко приходится слышать, что после летних каникул часть ребят возвращается в школу обедневшими, внутренне опустошенными и уставшими, потому что безделье — совсем не лучший отдых. И именно летом, когда свободного времени больше, чем зимой, легко расширить и углубить разностороннюю любознательность, рожденную в школе, разносторонний, но устойчивый интерес к книге, живописи, музыке, интерес, который обогащает жизнь и расширяет кругозор.

Наконец, проблема свободного времени— это проблема изучения каждого ученика, проблема его будущей профессии и всего его будущего. Как известно, для старшеклассников устраивают и дни открытых дверей в институтах, и встречи со студентами. Со всех сторон перед ребятами раскрываются заманчивые перспективы — увлекает каждая новая встреча, зовет каждая новая открытая дверь — и школьник беззащитен перед ними, готов откликнуться на все сразу и не в силах выбрать, потому что за все годы, проведенные в школе, он едва ли не впервые сталкивается со множеством обступивших его возможностей. И встречи, и дни открытых дверей, конечно, нужны. Но что греха таить, ведь часто это единственная форма, в которой ребята знакомятся с профессиями, и тут уж недосуг выяснять, к чему всего способнее человек, где он будет на месте.

* * *

Пока родители, учителя и пионервожатые стремятся только «уследить» за ребятами, важнейшая воспитательная задача остается нерешенной. Пока целью будет «отвлечь от дурного» без попытки **заполнить** оставшуюся пустоту хорошим, толку не будет. Нельзя просто уговорить Юру Максимова забыть о голубях. Не упреки, не разъяснения, не долгие беседы тут нужны,—**дело** нужно вложить в юрины руки, пищу дать его воображению, интересом зажечь его разум. И не первым попавшимся делом надо занять подростка, а таким, которое отвечало бы его наклонностям.

К сожалению, всем известно, что в школьные кружки чаще всего идут как раз наиболее успевающие и «благополучные» дети. А голубятников или таких, в которых не угадаешь, чем бы их взять,—их в кружках не видно. Во Дворце пионеров с двойками в кружок не примут. Но вот преподаватель физики 13-й калужской мужской школы Сергей Васильевич Инютин сознательно берет в физический кружок самых отчаянных, недисциплинированных ребят. Он твердо уверен, что в каждом из них найдет зерно, которое непременно даст ростки. И не было случая, чтоб Сергей Васильевич ошибся. Его кружок многолюден. Ребята сами изготовили токарные станки для работ по дереву и большинство приборов в физическом кабинете. Стоит посмотреть, как работают дети **не под присмотром учителя, а одни**—увлеченно, сосредоточенно, чтоб понять: пускай не все они станут физиками, радиотехниками, конструкторами, но разбужено в них многое, что послужит им верно, кем бы они ни стали в жизни.

В нашей стране сотни тысяч внешкольных учреждений, и число их растет от года к году. Огромные средства отпускаются на содержание дворцов пионеров, детских технических станций, детских библиотек, и, несомненно, средства эти будут умножаться. Все новые люди, способные, одаренные, приходят в школы и внешкольные детские учреждения, и, конечно, знания, опыт этих людей будут день ото дня расти, становиться глубже и разностороннее. Все это несомненно. Почему же так часто раздаются тревожные голоса учителей, напоминающих о том, что свободное время становится помехой школьному времени, сводит на нет то, чего всеми силами ума и сердца учитель добивается во время занятий. Почему так часто слышишь о детях, «сбившихся с пути», о детях, которые начинают с того, что в свободное время бросаются горящими спичками на лестничных площадках, а потом совсем отбиваются от рук. Почему много лет длится нескончаемый и бесплодный спор о том, кто в этом виноват — школа или семья?

«Уследить» за каждой минутой досуга всех детей — невозможно, сколько бы ни бились над этим учителя, родители, пионервожатые и работники внешкольных учреждений. Между тем сейчас в большинстве случаев стремятся именно к этому. Есть немало печатных работ, в которых говорится о том, как организовать тот или иной кружок, как изготовить наглядные пособия, есть литература, посвященная тому, как провести пионерский сбор или экскурсию. Но почти ничего не написано о том, как помочь ребятам найти себя, как разбудить, развить устойчивый интерес, как сделать так, чтобы подростку не было скучно наедине с самим собой, чтобы воспитатели перестали бояться ребячьего досуга, как сделать, чтобы досуг этот был интересен и разнообразен, чтобы он вместил в себя и книгу, и музыку, и театр, и спорт. Опыт, накопленный в школах, не обобщается.

Академии педагогических наук, министерствам просвещения и комсомольским организациям необходимо понять, что частная проблема — проблема досуга, свободного времени наших детей, в сущности, становится проблемой государственной важности. Каждый ребенок или подросток, потерявший дорогу, каждая погубленная судьба — это уже не частность в стране, где самый драгоценный, главный и основной капитал — человек. Завтра, в котором будут жить наши дети, богаче, разностороннее, чем нынешний день, оно больше потребует от человека. И нельзя смотреть на свободное время, думая только о том, чтоб его убить, чем-то наполнить, как-то избежать таящихся в нем опасностей. Ибо свободное время — еще одна возможность развивать силы и способности человека, его духовную жизнь, сделать ее богаче, глубже, прекраснее.

КАЛУГА

ВОКРУГ СЕССИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА

ВСТРЕЧИ В БУДАПЕШТЕ

Будапешт, площадь Сталина.

В вестибюле Дома профсоюза строительной и деревообделочной промышленности — необычайное оживление. Кого только не увидишь здесь: вот светловолосый швед беседует с негром из Южной Африки; рядом с ними живописная группа — индус, немец и араб... Люди разных национальностей, различных политических взглядов и профессий — писатели, ученые, священнослужители, юристы, учителя, рабочие, крестьяне — приехали в венгерскую столицу. Многие из них — члены тех или иных партий, другие не принадлежат к каким-либо политическим группировкам.

За эти дни мне пришлось не раз беседовать с делегатами будапештской сессии Всемирного Совета Мира. И при всем многообразии их внешнего и, конечно, внутреннего облика всегда отчетливо проявлялось то общее, характерное, что привело этих людей в Будапешт. Все присутствующие здесь, как и миллионы их соотечественников, пришли к активной борьбе за мир разными путями. Но всех их объединяет общее чувство тревоги за судьбу своих народов, великая забота о мирном труде человечества, которому угрожают разрушительные силы милитаризма и реакции.

Внимание сессии привлекла, например, горячая, проникнутая искренним чувством речь немца Вильгельма Эльфеса. Этот известный западногерманский деятель, католик, в прошлом сторонник Аденауэра, ныне сам, силою неумолимой логики жизни, пришел в лагерь борцов за мир, за единую, демократическую и миролюбивую Германию, которая будет жить в дружбе со всеми народами.

Мир и дружба народов! Эта проблема стояла в центре внимания всех выступавших на последних заседаниях сессии. За первые три дня прений на трибуну Всемирного Совета Мира поднялось более сорока ораторов, представлявших страны всех континентов. В четверг, 18 июня, начали работать комиссии, призванные сформулировать принципы и разработать практические формы проведения широчайшей кампании за то, чтобы в мире восторжествовал дух переговоров.

Об этом единодушном требовании народов говорили все выступавшие — представители Советского Союза и Китая, Кореи и Аргентины, Франции и Германии, Англии и Индии, и многих других стран. И в кулуарах сессии каждый, с кем бы вы ни встретились, будь то индиец из Хайдерабада, аббат Депьер из Парижа или профессор Икуо Ояма из Токио, — все они говорят об этом желании своих народов.

Сессия в Будапеште вылилась в новую всемирную демонстрацию торжества идеи мира, единства и дружбы всех народов земли. Когда на трибуне появляется посланец пятисотмиллионного Китая Го Мо-жо или делегат героической Кореи Хан Сер Я, весь зал стоя приветствует их бурными аплодисментами. А как многозначительны те минуты, когда делегаты из Англии и Франции вскакивают со своих мест, чтобы пожать руки представителям народов Малайи и Вьетнама! По невысокому залу Дома профсоюза снова проносится буря приветствий. Возгласы на всех языках мира слышатся со всех концов зала, и кажется, будто они, отражаясь от обитого деревянным багетом потолка, взлетают над головами людей, как незримые быстрокрылые птицы...

Любовью и вниманием не только участников сессии, но и жителей Будапешта окружены представители нашей Родины. Когда, например, стало известно, что предстоит выступление советского делегата Эренбурга, во всех дверях, ведущих в зал заседаний, в малых и больших проходах столпилось небывалое множество людей. Очень тепло была принята поэтичная речь советской делегатки Ванды Василевской. Ее рассказ о саде в Киеве, где растут бок о бок цветы, семена которых были подарены друзьями писательницы из Стокгольма, Праги и Пекина, вызвал радостное оживление в зале — живым и близким был каждому этот образ того счастливого содружества народов, во имя которого борются сейчас сторонники мира во всех концах света.

На заседаниях сессии присутствуют многочисленные представители венгерского народа. Здесь и усатые молчаливые пастухи из степного района Хортобадь, в накинутых поверх черных костюмов войлочных одеяниях, схожих с кавказскими бурками, только белых, расшитых красными узорами. Здесь и крестьянки с замысловатыми прическами, в удивительно ярких кофтах и пышных, сборчатых юбках. В загорелых, привычных к труду руках этих людей — самодельные трогательные подарки борцам за мир: платки, фартуки, резные деревянные бутылки, куклы, письма, цветы, да, — прежде всего цветы, которых так много в прекрасной Венгрии.

Эти, как и многие другие свидетельства искренней, дружеской заботы, которыми все время окружают венгерские трудящиеся своих гостей, собравшихся сюда со всех концов земли, не могут не волновать сердце каждого. В один из дней перед концом утреннего заседания Всемирного Совета Мира в вестибюле Дома профсоюза собрались жены рабочих и служащих Будапешта с маленькими детьми. Маленькие будапештцы с трогательной серьезностью держали в ручонках букеты цветов, яркие фигурки кукол, платочки и «сумочки мира», принесенные в подарок делегатам сессии.

Вот служащий одной из столичных сберкасс Надь Шандор с женой Марией и двумя сыновьями—двухлетним Шандором и трехлетним Золтаном, улыбаясь, протягивает сына с букетом в руках навстречу смуглолицому, тоже улыбающемуся делегату...

Вот крестьянка Вошняк Иштванне дарит чудесную куклу, сделанную собственными руками, финской учительнице Тиине Лааксо. Женщины крепко, как сестры, целуются, а на них одобрительно смотрит господин Лааксо — только сегодня он прибыл с женой в Будапешт из Хельсинки и сразу попал в атмосферу необычайной сердечности и дружелюбия.

Невдалеке представительница женщин Чепеля — рабочего района венгерской столицы, расположенного на огромном острове посреди Дуная, вручает одному из делегатов панно, искусно сделанное руками чепельских работниц.

А на улице, перед входом в вестибюль, десятки юных будапештцев, мальчики и девочки, многие в пионерских галстуках, и все обязательно с блокнотами или тетрадями в руках. Они терпеливо поджидают делегатов сессии, чтобы раздобыть автографы. Здесь можно наблюдать колоритные сценки. Двенадцатилетний Вильмош Мольнар, ученик шестого класса венгерско-русской школы имени Горького, настойчиво ищет кого-нибудь «из Москвы». И, охваченный добрым волнением, советский человек, оставив автограф в блокноте маленького венгерца, целует сбившиеся в петушиный гребень светлые волосы Вильмоша, желает ему успехов, здоровья, счастья.

Мальчик отвечает сердечно и просто:

— Хорошо!

Он согласен, ему действительно очень нужны — и они уже есть у него — и здоровье, и счастье! К группе ребят подходит митрополит Крутицкий и Коломенский Николай в сопровождении венгерского епископа и мусульманского священнослужителя в белом тюрбане. Он дарит ребятам на память крохотные голубые значки советской делегации с изображением белого голубя и четкой надписью на русском языке: «Мир». Заполучить на память такой значок — мечта многих наших венгерских друзей, не только юных, но и уже достигших совершеннолетия...

Сессия Всемирного Совета Мира продолжает работу. Разнообразны умонастроения и речи делегатов. Но их объединяет одно: стремление к миру и дружбе между народами, осуждение тех, кто мечтает о новой войне. Поэтому участники сессии Всемирного Совета Мира единодушны в главном — народам нужно добиться переговоров между представителями великих держав. Дух переговоров должен восторжествовать!

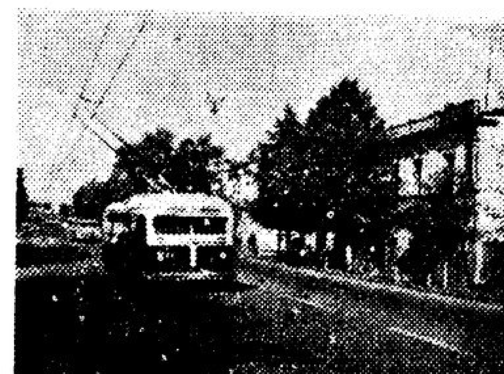
Эта идея — идея неизбежного торжества дела мира — и вдохновляет всех тех, кто собирается в эти дни в украшенном голубыми полотнищами доме на площади Сталина, в гостеприимной столице свободного и миролюбивого венгерского народа.

Дм. ЕРЕМИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

БУДАПЕШТ, 19 июня. (По телеграфу)

УЛИЦА МАКСИМА ГОРЬКОГО

Полевой улице города Горького недавно присвоено имя великого писателя. В доме № 40 на этой улице Алексей Максимович жил полтора года — с конца 1898 до весны 1900 года, а позднее, с осени 1900 года,—в доме бывш. Лемке на соседней улице. В эти годы писатель работал над романом «Фома Гордеев», повестью «Трое», написал ряд рассказов и очерков.

Теперь Полевая улица, бывшая когда-то окраиной города, стала благоустроенной; она асфальтирована, озеленена, по ней ходит троллейбус.

Город, носящий имя великого писателя, быстро растет. В пятой пятилетке строители должны сдать полмиллиона квадратных метров жилой площади. Это половина того, что было создано в Нижнем-Новгороде за семь столетий его дореволюционного существования.

г. ГОРЬКИЙ. (Наш корр.)

САДЫ В ДОНБАССЕ

◇ А. МИХАЛЕВИЧ ◇

Тем и хороши герои наших любимых книг, что они не остаются «на книжной полке», а, будучи словно выхваченными писателем из самой жизни, возвращаются в гущу жизни, живут, борются, радуются и печалятся вместе с нами...

Таков и Микита Братусь — герой одноименной книги Олеся Гончара, небольшой «мичуринской» повести, написанной несколько торопливо, но с таким искренним, заражающим чувством и с такой глубокой симпатией к людям, обновляющим нашу землю, украшающим ее своим мичуринским творчеством, что невольно прощаешь автору его торопливость и незаметно для себя и своим чувством, своими мыслями и наблюдениями вместе с автором как бы дорисовываешь метко схваченный писателем образ.

Из самой души вырывался у Микиты Братуся гимн садам:

«...Сад цветет! Идешь километр, а вокруг тебя сияет и сияет во все концы сказочное бело-розовое царство, идешь другой,— а над тобою все плывут и плывут пышные душистые соцветья... А в августе? На виноградниках по полпуда гроздьев на каждом кусте, в саду — ветки гнутся от плодов, знай подпирай! Пригнешься — понизу холмы красных шафранов горят меж деревьев, выпрямишься — бьют в глаза солнечным блеском кальвили, облепив крону до самой макушки... А когда ветер — ступить тебе некуда: земля устлана созревшими плодами. Возьмешь яблоко в руку, взглянешь на него, и такое оно смотрит на тебя красивое, такое чудо совершенное, что уже не осмеливаешься бросить его обратно на землю...

...Да разве в одних фруктах дело? Сады смягчают климат, обогащают кислородом воздух, украшают нашу жизнь... Сады облагораживают человеческие чувства, влияют и на характер человека. И чем ближе к коммунизму, тем более крупные... задачи встают перед нашими садоводами».

В эти дни особенно настойчиво к нам стучится, вмешивается в наши дела кипучий и неугомонный, вложивший в колхозный сад двадцать лет труда и неизменно принимающий жизнь «под веселым углом зрения» Микита Братусь!

Пришла весть из Донбасса: садоводы колхоза имени Мичурина в Селидовском районе приняли решение—дать в этом году такой уход саду, чтобы вдвое превысить запланированный раньше урожай фруктов. Вдвое!

Как родилась эта мысль? Садоводы рассказывают:

— Хорошо сейчас в нашем колхозном саду. Богатой завязью покрылись отцветшие недавно вишни, абрикосы, черешни. В цвету груши, яблоки поздних сортов. Обильные дожди досыта напоили почву. Радуется сердце. Наших фруктов ждет народ, надо их дать больше советским людям — недаром правительство значительно снизило цены на фрукты... Виды на урожай всех фруктов хорошие. Но виды — это еще не урожай. И при богатом цветении и обильной завязи можно взять низкие урожаи, если не обеспечить хороший уход.

Цепкая мысль мичуринца старается все предусмотреть, чтобы при любых капризах природы не ошибиться в урожае. Разве не так действовал Братусь? Сам не щадил себя и другим не давал покоя. Так и селидовские мичуринцы. Они пригласили в сад научных работников, опытнейших специалистов, предусмотрительно разработали подробнейший агроплан ухода за садом, уборки, хранения и реализации будущего урожая.

Взят твердый принцип: в саду должно расти только то, что посажено! Почва в саду должна быть черной. Тут садоводам поможет МТС, чтобы дать в этом году саду до семи тракторных культиваций... Обильная завязь потребует усиления питания деревьев. При второй культивации сад получит подкормку гранулированными удобрениями, причем и подкормка будет механизирована. Особенно бдительной станет охрана сада от вредителей: например, яблоки зимних и осенних сортов будут обработаны ядохимикатами три раза. Раскинули умом — выявилась возможность оросить часть сада, протянув от огородного участка еще 150 метров труб. Даже созревший урожай можно погубить: не теряя времени начали приводить в порядок лестницы, плодосъемы, фруктосушилки. Решили организовать зимнее хранение фруктов.

Когда предусмотрели все это, стало ясно, что можно и нужно менять, пересматривать старые обязательства! Теперь целью поставлены новые цифры: довести урожай яблок и груш до 50—60 центнеров, а на отдельных участках и до 120 центнеров с гектара! Слив, абрикосов, вишен взять в среднем по 35 центнеров, а на 10 гектарах — по 65 центнеров. Хорошим уходом удвоив запланированный урожай, добиться, чтобы сад дал колхозу больше миллиона рублей дохода. Новые обязательства скреплены не только подписью председателя колхоза имени Мичурина П. Лободы, бригадира-садовода И. Дульского, но, и это очень важно и характерно, подписью участкового агронома А. Петровой, подписью бригадира тракторной бригады С. Нечивайло.

Почин действительно мичуринский! Донецкие товарищи подсчитали уже, что если во всех садах колхозов и совхозов Сталинской области пойдут по тому же пути заботливого сохранения богатой завязи, усилят уход за садами, то даже при сравнительно небольшом урожае в 30 центнеров с гектара эти сады смогут дать в нынешнем году до 3 миллионов пудов фруктов и ягод. Это в Донбассе, который раньше так беден был зеленью и садами.

Устами селидовских мичуринцев наши славные Микиты Братуси — передовые украинские садоводы — бросают сейчас клич ко всем, кто трудится в садах:

— Там, где вчера брали, выхаживали, сохраняли одно яблоко, одно «чудо совершенное», — выходить, сохранить, взять два! Уберечь плод от прожорливого червяка — и положить лишнее яблоко в руку ребенка! По-мичурински заботливым уходом прибавить сейчас «силы» фруктовым деревьям, чтобы потом плоды этих деревьев прибавляли больше силы и веселости в труде нашему горняку и сталевару, строителю и учителю, детям и матерям...

В решении этой благородной задачи всюду есть на кого равняться! Вот только один пример. На Винничине мне пришлось встретить Александра Прокофьевича Стороженко, бригадира садово-огородной бригады колхоза имени Котовского Ободовского района.

— Может быть, слышали, как любил сады Котовский? — спросил в беседе со мной Стороженко. — Наш сад сейчас достоин его имени!

После войны Стороженко, вернувшись с фронта, принял, по сути, развалenную бригаду.

— Сад тогда так зарос, что к нему хоть на самолете подъезжай, — с улыбкой рассказывает теперь бригадир. — Бригада не пожалела сил, чтобы возродить сад, сделать его еще краше. И вот на протяжении шести-семи лет сад дает высокий урожай каждый год.

В 1950 году Стороженко собрал по 210 центнеров яблок с гектара.

Неблагоприятные условия сложились в 1952 году. Во время цветения бригада, спасая сад от заморозков, окуривала его шесть раз, — мороз доходил до 4 градусов, но сад был спасен. Потом на сад напало огромное количество вредителей, но урожай опять был спасен. Садоводы даже в этот неблагоприятный год взяли с каждого гектара по 110 центнеров яблок! Доход от сада добавил на каждый трудодень колхозникам по 3 рубля 15 копеек. Вот какой опыт подкрепляет нынешний клич мичуринцев!

Бросают клич лучшие садоводы и вступают в спор, острый и резкий спор со всеми, кто по старинке, по плохой привычке считает сады «второстепенной», «второсортной» отраслью колхозного хозяйства или кто легко пасует перед всякой трудностью в дальнейшем расширении и подъеме садоводства.

Микита Братусь был беспощаден в своей полемике с Харлампием Давыдовичем Зюзей — недальновидным скептиком, упрямо становившимся в оппозицию к мичуринским начинаниям садоводов. «Пока такой умник, как ты, стоит на берегу и разглагольствует, тот, кто, по-твоему, дурень, тем временем речку вброд переходит», — говорил Братусь Зюзе, тут же грозясь скептиков, когда-то каркавших, что виноград в колхозном саду не привьется, не выдержит, «утопить в вине из наших новых зимостойких сортов винограда».

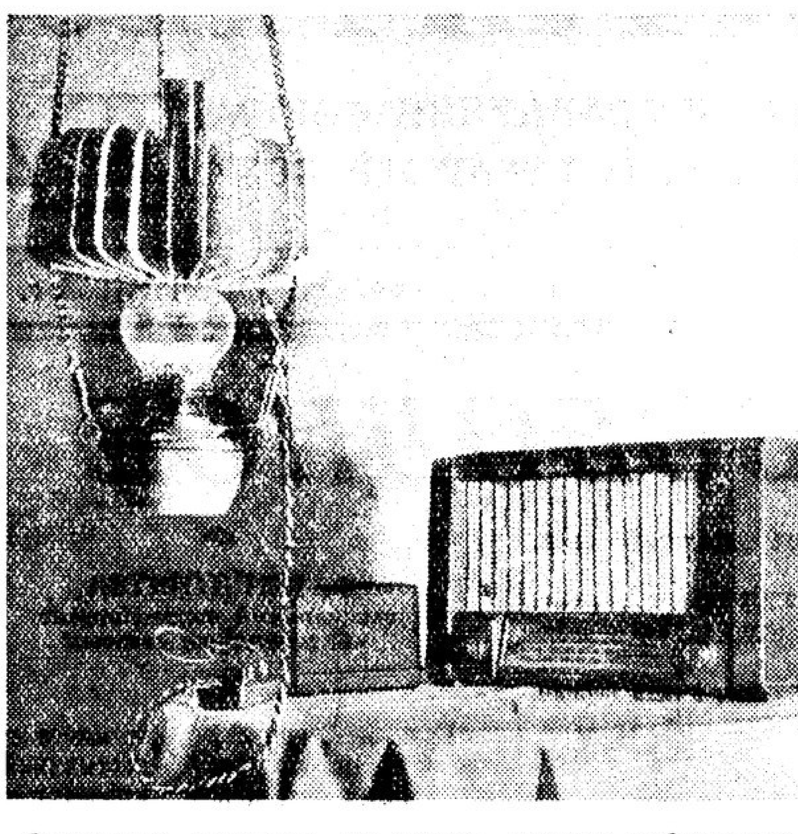
Но Зюзи полностью еще не перевелись. Вот почему даже на Украине до нынешнего года оставалось более двадцати процентов колхозов, не имевших своих садов. Весной посадки садов шли интенсивно. Теперь надо принять все меры, чтобы Зюзи не помешали, не «сэкономили» на хорошем уходе и за старыми и за новыми посадками!

Влюбленный в свой труд садовода, Микита Братусь подумывал: не пора ли, мол, в связи с ростом садов особо выделить такую важную и перспективную отрасль — создать даже Министерство садоводства.

Жизнь показала, что дело не в отдельном министерстве, — оно, конечно, не нужно. В большом сельском хозяйстве страны, где вопросы решаются **комплексно**, где от «взаимодействия» различных отраслей создаются новые, дополнительные возможности, вопросы садоводства могут и должны быть решены всерьез, глубоко, с истинно советским размахом.

КИЕВ

ЛАМПА ПРЕВРАЩЕНА В ЭЛЕКТРОСТАНЦИЮ

Оленеводы, кочующие по тундре, геологи, работающие в глухой тайге, или лесники отдаленных лесных пунктов пользуются радиоприемниками, которые обычно питаются током специальных батарей. Батареи разряжаются, и тогда приемники безмолвствуют. Это неудобство сейчас устранено.

Сконструирован новый, устойчивый источник электрического тока — «термоэлектрогенератор типа «ТГК-3». Он превращает тепловую энергию обыкновенной керосиновой лампы «молния» в электрическую. Тепло, излучаемое лампой, нагревает термобатарею. В результате разности температур на поверхностях термобатареи возникает электродвижущая сила напряжением в два вольта. Но этого недостаточно для питания радиоприемника, ток пропускается через специальный прибор — вибропреобразователь, где напряжение трансформируется и повышается до необходимого для радиоприемника.

Термоэлектрогенератор удобен в употреблении. Лампа, которая расходует 60 граммов керосина в час, одновременно дает электроэнергию, освещает и обогревает помещение. Ее электрический ток может питать батарейные радиоприемники типа «Родина-52», «Родина-47», «Искра», он может обслуживать и радиоузел на двадцать радиоточек.

Сейчас завод «Металламп» Главметаллоизделий Министерства местной и топливной промышленности РСФСР в содружестве с лабораторией полупроводников Академии наук СССР работает над усовершенствованием и массовым выпуском термоэлектрогенераторов.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

ПИСАТЕЛИ В ГОСТЯХ У НЕФТЯНИКОВ БОРИСЛАВА

В воскресный день Дворец культуры в Бориславе был переполнен. На встречу с писателями Киева, Львова, Дрогобыча, Борислава собрались нефтяники, горняки озокеритовых шахт, студенты.

Выездное заседание редколлегии журнала «Жовтень», пишет «Львовская правда», открыл вступительным словом главный редактор журнала Ю. Мельничук. Обсуждение пьесы Ю. Дольд-Михайлика «Бориславская трагедия» и литературного репортажа «Будни советского Борислава», опубликованных в четвертом номере журнала, началось выступлением автора пьесы. Ю. Дольд-Михайлик рассказал собравшимся о своей работе над произведением, в основу которого положены бориславские рассказы Ивана Франко.

На заседании выступили писатели Денис Лукъянович, учительница Фаина Гудзенко, кадровый производственник Онуфрий Солюк, крестьянка села Ясеница-Сильна, где учился Иван Франко, Розалия Гавриляк и другие. Говоря о хорошем начинании журнала, отобразившего на своих страницах мрачное прошлое и светлое настоящее Борислава, выступавшие высказали ряд критических замечаний о пьесе и репортаже, пожелали литераторам больше и ярче освещать социалистические преобразования, происшедшие в западных областях Советской Украины, шире показывать нерушимую дружбу народов, создавать произведения о передовых советских людях — строителях коммунизма.

Затем состоялся большой литературный вечер. Перед нефтяниками и озокеритчиками с чтением своих произведений выступили Ирина Вильде, Антон Шмигельский, Михаил Яцкив, Василий Глотов, Злата Каменкович, Петр Горецкий, Дмитрий Павлычко, Николай Кабаненко и другие.

Писатели встретились также с тружениками Дрогобыча и посетили село, где родился великий украинский писатель Иван Франко.

Новые стихи

Н. ГРЕБНЕВ

Инженер

Он
  не строил гэсов небывалых.
Каменных не воздвигал громад.
Он строитель межколхозных, малых
Станций в сто, не больше, киловатт.

Поселившись здесь, в краю далеком,
Старый мастер, нес он людям свет.
Только сам не пользовался током:
Строят гэсы там, где тока нет.

Жил он в доме под саманной крышей,
Спал на кошмах в юртах кочевых,
Падал тусклый свет «летучей мыши»
На расчеты линий силовых.

Кочевал он и менял квартиры,
Жил на каждом новом месте год —
От начала стройки и до пира
В честь успешно конченных работ.

За его здоровье пили парни,
Старики желали долгих лет,
И в глазах больших и благодарных
Отражался им зажженный свет.

Инженер сидел и знал, что где-то
Там,
  на новой стройке, в трудный час
Он не ощутит нехватки света,
Озаренный светом этих глаз.

Шел еще дымок над жирным пловом,
Смешивался с песней звон пиал,
А строитель с назначеньем новым
Шел домой и вещи паковал.

На прощанье лампочки из окон,
Глядя вдаль, светили вслед ему,
Лампочки, которые зажег он,
Провожали мастера во тьму.

Шел герой мой жить под новым
  кровом,
Шел туда, где светом станет труд,
Где лучи «летучей мыши» снова
На его расчеты упадут.

К. ВАНШЕНКИН

Другу-аспиранту

Нет, не в моей натуре,
Ей-богу, не в моей,
Сидеть в аспирантуре,
Теряя столько дней.

Ученым стать? Куда там!
Но твердо верю, друг,
Ты будешь кандидатом
Технических наук.

И вдалеке отсюда,
Где шум лесной воды,
Твои читать я буду
Ученые труды.

Студеною порою,
Когда все льнет к теплу,
Я там завод построю,
В горах взорвав скалу.

Раздастся гулкий грохот,
Потом наступит тишь...
И ты мой долгий опыт
С годами обобщишь.

И вот потом, к примеру,
В наш город у реки
Приедут инженеры —
Твои ученики.

И скажут очень бойко,
Не опуская глаз:
— Профессор, мол, такой-то
Учил, по счастью, нас.

И я тогда в дипломы
С волненьем загляну.
Скажу: — Мы с ним знакомы,
Учились в старину...

И странно молодые
Далеких дней друзья
Возникнут, как живые...
И счастлив буду я,

Что зрелость в нашем деле
Смогли мы обрести,
Что оба не жалели
О выбранном пути.

А. КОВАЛЕНКОВ

Памятник

На берегу феодосийском
Стоит бетонный обелиск,
В сухой траве под тамариском
Ржавеет пулеметный диск.

Здесь шли десантники в атаку —
Родную землю выручать,
К Святой горе и Кара-дагу
Тесня врагов за пядью пядь.

С такой отвагой и любовью,
С такой решимостью в сердцах,
Что до сих пор горят их кровью
Весною маки на лугах.

А мы с тобой на берег моря
Пришли — мне стыдно вспоминать,—
О чем-то споря, ссорясь, вздоря,
А надо б камни целовать.

Николай ДОРИЗО

Песня

Огней так много золотых
На улицах Саратова.
Парней так много холостых, —
А я люблю женатого...

Эх, рано он завел семью...
Печальная история!
Я от себя любовь таю,
А от него — тем более,

Я от него бежать хочу,
Лишь только он покажется,
А вдруг все то, о чем молчу,
Само собою скажется.

Его я видеть не должна —
Боюсь ему понравиться.
С любовью справлюсь я одна,
А вместе нам не справиться.

А. БАРТО

Митяй-лентяй

Трезвонят все будильники:
— Митяй, вставать пора!
А он храпит, как миленький,
До десяти утра.

Потом он просыпается,
Потом встает Митяй
И начинает каяться:
— Я лодырь и лентяй!

Другие дети учатся —
Я сплю до десяти!
Что из меня получится?!
Нельзя таким расти!

Потом зевает Митенька
И спать ложится вновь.
Он ценит самокритику,
Питает к ней любовь.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

Змея, очки втирающая

◇ *Глава из юмористической повести «Стакан воды»* ◇

Директор комбината бытового обслуживания товарищ Павелецкий давно подготавливал одно мероприятие, долженствующее поднять его, товарища Павелецкого, авторитет на почти недосягаемую высоту.

В последние годы Павелецкого преследовали неудачи, и сейчас поднятие авторитета для него было вопросом административной жизни и смерти. На самых неожиданных участках служебного пути ронял свой авторитет товарищ Павелецкий. Самые, казалось бы, блистательные его мероприятия вместо признания и почета приносили ему взыскания и проработки.

Когда он заведовал районным Парком культуры и отдыха, все надежды свои он возложил на фонтаны. И, действительно, ему удалось всех удивить. План по фонтану был перевыполнен — могучий водяной агрегат давал триста процентов запроектированной мощности струи. Но как только пустили фонтан, во всем районе встал водопровод: вода ушла в струю.

— И что же,— с горькой усмешкой рассказывал потом Павелецкий, — сняли, конечно!.. Сгорел!.. И на чем? На воде сгорел!.. Научно-фантастический роман!..

После фонтана Павелецкий пострадал на лесной промышленности. Его сняли за недемократический стиль руководства.

Павелецкий привычно признал свои ошибки и, поступив на работу в Райторготдел, сразу же круто перестроился.

Отныне, разговаривая с подчиненными, он никогда не позволял себе кричать, давать указания в категорической форме или подавлять собеседника авторитетом.

— Надо нам выполнять план или не надо? — восклицал он на общем собрании.

— Надо... Надо!.. — дружно неслось из зала, и оратор мягко закруглял свою речь, теперь уже опираясь на мнение масс:

— Вот и мне кажется, что надо!..

Но так как план от этих взаимно вежливых собеседований не выполнялся, то Павелецкого отстранили от Райторготдела, как было записано в приказе, за бесхребетность, развал дисциплины и отсутствие четкой линии в работе.

Павелецкий умело учел и эти замечания, и уже на следующем своем посту — на посту директора гостиницы — он все подмял под себя, не давая сказать ни слова ни одному из своих сотрудников. И, наверно, он успел бы полностью и даже с избытком искупить свою предыдущую вину, если бы, к его крайнему изумлению, его не сняли уже через полгода за зажим критики.

И что же — Павелецкий не растерялся. Он опять полностью признал свои ошибки и был назначен управляющим транспортной конторой. Теперь уже, когда случалось товарищу Павелецкому совершить неверный шаг и подвергнуться за это справедливой критике, он не упорствовал в своих заблуждениях и никогда не пытался умалить своей вины. Наоборот, даже при самой малой провинности он сразу перехватывал инициативу и начинал сам доводить свою вину до превосходной степени.

— Мало нас ругаете! Мало! — стонал он. — Греть нас надо! Бить... Крепче бить... Снимать нас надо... Гнать в шею!..

Если же упрекали его не посетители, а ревизоры или другие начальствующие лица, то к моменту составления акта обследования душераздирающая сцена достигала своего апогея и не утихала даже после того, как растроганные обследователи демонстративно записывали положительные выводы. Уже покинув стены конторы, на улице ревизоры слышали, как Павелецкий бьется в истерике и кричит:

— Нет, нет!.. Бить нас надо!.. Выгонять!.. Истреблять!..

Самокритические совещания проводились ежедневно, а то и по два раза в день. Работать было решительно некогда, и Павелецкий даже несколько обиделся, когда по истечении года его освободили от должности управляющего транспортной конторой по случаю невыполнения производственного плана.

И теперь, в комбинате бытового обслуживания, по неуловимым признакам, знакомым только часто снимаемым работникам, Павелецкий чувствовал приближение очередной катастрофы. По приглядывающимся взорам начальства и отводимым глазам подчиненных чувствовал он, что скоро снимут его и с этого поста. За что — он еще не знал, но отчетливо ощущал: снимут.

— Ты еще молодой работник, товарищ Гусааков,— говорил он в минуту откровенности своему заместителю, — тебя еще будут снимать и снимать... А мне уже нельзя. Мне держаться надо!.. А как держаться?..

— Шарада-загадка! — сочувственно вздыхал Гусааков.

Бороться с надвигающимся несчастьем путем улучшения работы комбината в целом было невозможно, потому что все время и все силы уходили на поиски и замазывание отдельных ошибок, промахов и неполадок. Да и вообще Павелецкий не признавал такого метода. Работать?.. Нет, это не для него. Это слишком трудный, слишком кропотливый, слишком утомительный путь к славе, премиям и благополучию.

Нет, нет, нужно было придумать что-то чрезвычайно эффектное, что позволило бы Павелецкому удержаться у кормила.

До сих пор его лишь перебрасывали. Но однажды его могли бросить и больше не поднять. Хороших руководителей становилось все больше, а терпимости к плохим все меньше.

А если отстранят его однажды и навеки от руководящей работы, то что он, Павелецкий, будет делать на земле?

— Мне руководящая работа, как воздух, нужна, — признавался он Гусаакову. — И знаешь почему?..

— Масштаб — размах?

— Нет, — переходил на шопот Павелецкий.—С неруководящей работой я не справлюсь... Вот в чем дело!..

Да, за долгие годы бюрократических кочевий не приобрел Павелецкий никакой специальности, и к тому же еще потерял вкус к ученью. Даже писал он до сих пор неграмотно, искренне полагая, что с него спрашивается лишь за политические ошибки, но никак не за орфографические.

Удержаться было необходимо!

Но для того, чтобы удержаться, видимо, нужно было совершить что-то действительно из ряда вон выходящее. И он думал. Он мучительно искал быстрых и верных путей поднятия своего авторитета.

И, наконец, он нашел решение: оно было простым, ясным и безошибочным.

Чтобы добиться славы хорошего руководителя, следовало немедленно организовать производственный рекорд, причем желательно мировой.

Павелецкого не смущало то положение, что все производственные рекорды, весьма популярные на наших предприятиях, всегда являлись выражением творческого порыва рабочих, диктовались практической целесообразностью и никогда не были плодом чьей-то тщеславной и корыстной мечты.

В данном случае рекорд был нужен только Павелецкому, поэтому он его и организовывал.

Прежде всего предстояло выбрать плацдарм. Штуковка, починка обуви, химическая чистка не годились для рекордных показателей — эти процессы были слишком трудоемки и кропотливы.

Косметический кабинет тоже отпадал: скоростное и массовое выведение угрей и веснушек могло упереться в сырьевую базу; угри и веснушки не поддавались предварительному учету, и нельзя было заготовить их заранее на целую смену.

Товарищ Павелецкий выбрал гладильный цех, причем отмел трудоемкие пиджаки и оставил для рекордов лишь простые и покорные брюки.

Он решил в могучем потоке среднебрючных процентов утопить жалкие цифры по пиджакам и жилетам. Средние цифры! Как часто выручали они и его и таких же, как он, хозяйственных комбинаторов!..

Павелецкий лично ознакомился с процессом глаженья, разработал новую систему организации труда на рекордный день и наметил контрольные цифры. Один гладильщик за восемь часов должен был выгладить триста пар брюк, что составляло десять норм, или 1000 процентов плана.

Это был бы мировой рекорд по глаженью брюк.

Теперь предстояло организовать сырьевую базу. В небольшом комбинате никогда не было одновременно такого количества брюк.

Павелецкий нашел выход из этого положения. Он приказал Гусаакову, тайно от сотрудников, в течение месяца копить брюки. Гусааков принимал от клиентов брюки, но обратно их не выдавал. Предлоги варьировались: то всесильный «переучет», то — еще более грозное—«перестройка производственного процесса». Сотрудникам же комбината за неделю до рекорда было объявлено, что будто бы поступила массовая партия брюк для глаженья из некоего подмосковного дома отдыха, где отдыхающие только тем, повидимому, и занимались, что мяли брюки.

Павелецкий был опытным очковтирателем и поэтому тщательно скрывал свои махинации не только от начальства и Госконтроля, но и от подчиненных, от коллектива.

Наконец, вопрос встал об исполнителе. И тут выбор пал на Гребешкова.

Расчет был безошибочный. Уже сама фигура старичка-рекордсмена была трогательной и крайне привлекательной для будущих репортеров и очеркистов.

А там вспомнят и о том, кто воспитал таких работников, и тут слава товарища Павелецкого засияет немеркнущим и даже немигающим пламенем!

Семен Семенович Гребешков, выслушав предложение директора, вышел из кабинета потрясенный. Справится он или нет? Он должен был справиться!

Предрекордную ночь Семен Семенович спал плохо. Но на утро, чисто выбритый, подтянутый, он вошел в цех и, быстро поздоровавшись с суетившимися вокруг людьми, прямо прошел к тому месту, где внушительной горой лежали брюки, которые ему предстояло выгладить.

Гусааков, который выбрал на сегодняшний день необременительную работу хронометриста, посмотрел на секундомер, выждал несколько секунд и махнул рукой.

— Ноль-ноль! — крикнул он.— Давай-давай!..

Это и было сигналом к началу.

Семен Семенович кивнул своим подручным и начал.

По воле товарища Павелецкого сегодня весь штат был брошен на рекорд. Портные и косметички, счетоводы и парикмахеры, уборщицы и сапожники превратились в подсобников Семена Семеновича.

Вдоль столов, по-банкетному составленных буквой «П», проносились подносчики и раскладывали брюки для поточного глаженья.

Вслед за ними мчался бухгалтер-накрывальщик, который застилал разложенные брюки тряпками.

Двое брызгальщиков поливали эти тряпки водой изо рта.

Уборщица с графином стояла у конца стола и заправляла брызгальщиков перед новым пробегом.

Семен Семенович гладил. Гора брюк сразу стала оседать и таять с поразительной быстротой, хотя на взгляд со стороны он работал медленно. Он аккуратно и любовно проверял каждую складочку. Утюг плыл вдоль русла брюк медленно и ровно. Остановившись у обшлага, он поворачивал бортом, давал задний ход, потом — малый вперед и, словно пароход, повернувшись вокруг своей оси, так же плавно и ровно плыл обратно, вдоль другой складки.

Семен Семенович вел свое судно точно по курсу, не отклоняясь ни на миллиметр, не совершая ни одного лишнего маневра.

В этой точности и был заложен секрет быстроты. Семен Семенович чувствовал душевный подъем, он не замечал времени. Уже приближался обеденный перерыв, уже давно график был оставлен далеко позади, и ликующий Гусааков, стуча по секундомеру, докладывал Павелецкому о выполнении-перевыполнении, уже давно устали и сбились с ног подносчики, а Семен Семенович работал все так же легко и красиво, не видя ничего, кроме нескончаемого пестрого потока штанин.

Но с некоторого времени его стала удивлять странная закономерность, замеченная им в этом потоке. Через примерно равные промежутки стали появляться брюки, очень похожие друг на друга.

Вот совсем недавно легко выпорхнули из его рук серые брюки в елочку, пересеченную красной полоской. Они были гладкими, словно накрахмаленными. Теперь перед ним лежали другие брюки — совсем такие же, с той же елочкой, с той же полоской, только мятые и жалкие.

Семен Семенович подивился этому совпадению, улыбнулся и продолжал работать. Но через пятнадцать минут серая елочка снова замельтешила перед ним.

Гребешков вздохнул и мысленно посетовал на легкую промышленность. Явственно сказывался скучный стандарт. Однообразие ассортимента наглядно заявляло о себе.

Это объяснение было огорчительным, но, повидимому, верным. Семен Семенович еще раз вздохнул и принялся за очередную пару, и вдруг профессиональная зрительная память толкнула его на странные догадки.

Перед ним, во всей своей неприглядности, лежали те самые серые брюки с красной полоской, которые он трижды гладил!

Да, да, он был готов поручиться, что это те самые; в последний раз он запомнил их чуть обтрепанный обшлаг и чернильные пятнышки возле кармана. И теперь приметы совпадали.

Это было нелепо и невероятно. Семен Семенович зажмурился и тряхнул головой, как бы прогоняя галлюцинации. В этот момент ему подали брюки в коричневую клетку, и он опять узнал их по оторванной пуговице часового карманчика.

Что за фантастика?!

Не прекращая работы, Семен Семенович продолжал напряженно вглядываться в шерстяной поток и с ужасом убеждался в том, что те же брюки по нескольку раз проходят перед ним, как статисты в старом провинциальном театре, изображающие непрерывный марш войск.

Но на этот раз он не был зрителем, чорт возьми! Он работал и не мог допустить, чтобы его труд превращали в какую-то сумасшедшую карусель.

А он понял, что это была карусель.

Брюки повторялись!

Нет, это были не близнецы, не дубликаты, это были те же самые брюки, которые он уже не один раз гладил.

Оставив утюг, Гребешков побежал к Павелецкому.

— Куда?.. — крикнул ему вслед Гусааков. — А как же цифры-показатели?

Но Семен Семенович только отмахнулся. Он спешил. Седой хохолок его воинственно развевался, каблучки сердито стучали по коридору.

Картина преступления была ясна. Уже несколько часов он работал впустую, только ради цифр.

Фантастическая догадка его была правильной. Гусааков не сумел обеспечить сырьевую базу.

Несмотря на месячное накопление, брюк не хватало. Это выяснилось в самый разгар работы. Над блистательным рекордом нависла угроза почти неизбежного срыва.

И товарищ Павелецкий, для которого ставилось на карту будущее его, как руководящего работника, — решился.

Орлиным взором окинул он высокие стопки выглаженных штанов, вызвал к себе Гусаакова, плотно закрыл дверь и величественно указав на брюки, твердо приказал:

— Мни!..

— Мни-дави!.. — весело подхватил Гусааков.

— Но чтоб никто не узнал! Полный секрет от сотрудников! — погрозил пальцем Павелецкий, и карусель снова завертелась.

Гусааков считал секунды и бегал в кабинет помогать мять брюки.

Товарищ Павелецкий руководил и мял. Мял и руководил. Учетчица Маша Багрянцева плакала.

Маша плакала не в цехе, а в мавританском зале. Нет, это был не зал! Это был сумасшедший табор! Это был взбесившийся предбанник! Кругом метались полуодетые мужчины, и ей некуда было деться.

САТИРИЧЕСКАЯ КЛАССИКА НА СЦЕНЕ

Верно поступил московский Театр сатиры, показав спектакль «Страницы минувшего», в котором зрители увидели две замечательные одноактные пьесы русской классической драматургии: «Завтрак у предводителя» И. С. Тургенева и «Игроки» Н. В. Гоголя. То, что наши театры обратились к произведениям, выражающим сатирическую традицию русской классики, связанную в первую очередь с именами Гоголя и Щедрина, заслуживает всяческого одобрения. А если добавить, что не только сценическая миниатюра Тургенева, но и одна из прекрасных комедий Гоголя — «Игроки» до сих пор еще не вошли сколько-нибудь прочно в репертуар советского театра, ценность инициативы Театра сатиры станет особенно ясной.

Соединение «Завтрака у предводителя» с «Игроками» в пределах одного спектакля вполне оправдано. Комедия Тургенева своей сатирической направленностью примыкает к обличительной традиции комедий Гоголя.

В самом деле, достаточно взглянуть на помещицу-вдову Анну Ильиничну Каурову в талантливом сценическом воплощении Т. Пельтцер, чтобы стала ясна подлинно «гоголевская» закваска этой сатирической роли. Последовательно рисует Т. Пельтцер облик вздорной и ханжествующей стяжательницы, прикидывающейся «человеком смирным», «вдовой беззащитной». Здесь все психологически точно, красочно, убедительно. Исполнительница не пытается нарочито оглуплять помещицу-сутяжницу. Напротив, Т. Пельтцер подчеркивает, что Каурова вовсе не лишена своей доли «ума», изворотливости и хитрости. Что уж поделаешь, коли этот «ум» такой мелкий, злобный, подлый, что, пожалуй, было бы лучше, если бы его и не было!

Сцена допроса кучера Карпа (А. Прибыловский), от которого Каурова настойчиво добивается, чтобы он подтвердил, будто и впрямь хотел убить Анну Ильиничну или хотя бы «ушибить» ее по наущению брата Кауровой, помещика Беспандина — противной стороны по разделу имения,— одна из самых колоритных в спектакле. Здесь отчетливо видна рука режиссера В. Плучека,— он помог исполнителям найти ту меру преувеличенности, которая, заостряя смысл ситуации, в то же время не вызывает ощущения неправды.

Образ Кауровой не просто удача актрисы, но прежде всего — результат наиболее глубокого истолкования сатирических элементов тургеневской пьесы. К сожалению, в постановке комедии этот верный принцип не выдержан до конца.

Каурова выступает в пьесе главным средоточием классово-сословной дворянской ограниченности, тупости, сутяжничества, стяжательства, спеси, своекорысти — качеств, с такой силой выставленных Тургеневым на позор и посмеяние. В этом смысле она — главная. Главная, но не единственная. Каждый из прочих героев комедии тоже имеет свой «пунктик». И стоит затронуть этот «пунктик», как тут же сползает маска пристойности, а под нею проступают черты мелочности, завистливости и корыстолюбия.

Нельзя сказать, чтобы режиссура и исполнители забыли об этом или полностью этим пренебрегли. Но все же раскрытие сущности многих персонажей заслонено обличением Кауровой. Порой у зрителя появляется даже чувство некоторого сожаления: «Как, мол, всех их, бедненьких, мучает эта ведьма».

По-настоящему комедийны в спектакле и вызывают живую реакцию предводитель дворянства Балагалаев — И. Бодров, судья — Д. Кара-Дмитриев и Беспандин — Г. Иванов. Ярко, крупным планом дан в спектакле Антон Семенович Алупкин — А. Папанов. Ему по праву принадлежит важное место в водовороте событий, развивающихся вокруг брата и сестры, которые приходят к заключению мира, а затем вновь низвергаются в пучину страшнейшего и всеобщего скандала. Вспомним, что Алупкин — «старый солдат», как он себя рекомендует, и явный солдафон по тому, как он показан Тургеневым,— первый вносит в действие тему раздора, принося Балагалаеву жалобу на станового о ложном обвинении мужика Алупкина в краже козла. Этот «козел» поистине становится своего рода символом в картине грызни и свар, нарисованной Тургеневым. У каждого из действующих лиц есть свой «козел», из-за которого он готов вступить в сшибку с конкурентом.

Между тем в спектакле Театра сатиры зритель не может не сочувствовать Алупкину, когда он обзывает «беззащитную вдову» сутягой и даже чортом. Но не надо забывать, что и расходившийся Алупкин, негодующий по поводу тупости Кауровой, сам тут же готов вступить в не менее вздорную перепалку из-за своего «козла». А это как раз часто и смазывается в спектакле.

Возникает и другой вопрос. Не слишком ли вальяжен и мил на протяжении действия Балагалаев — И. Бодров? Не следовало ли и в этом образе энергичнее и определеннее подчеркнуть, что и Балагалаев тоже себе на уме и что самое примирение сестрицы с братцем для него своего рода ход в борьбе против претендента в новые предводители Пехтерьева. Пожелания такого рода нужно обратить и к другим исполнителям. Пожалуй, в наименьшей степени они относятся к А. Петровскому — Пехтерьеву, который нашел достаточно злые штрихи, рисующие во всей неприглядности тщеславного и самовлюбленного кандидата в предводители дворянства.

Радостной удачей в спектакле «Страницы минувшего» явились «Игроки». Можно смело сказать, что театр заново, интересно и глубоко, поистине свежими глазами прочитал пьесу Гоголя.

Режиссура и исполнители справедливо увидели и стремились показать в «Игроках» не просто анекдотический случай — историю о том, как один шулер попался на удочку еще более искусных мошенников и потерпел крах,— а глубокое обобщение. Игра для Гоголя — та карточная игра, которой заняты все персонажи пьесы,— это лишь средство, лишь один из моментов, где, как в фокусе, отражается звериные законы той большой игры, которая идет в дворянско-буржуазном обществе, где все подчинено наживе и чистогану.

Режиссер В. Плучек и исполнители не только отчетливо поняли этот глубокий смысл гоголевской комедии, но и сумели это понимание сделать ключом к сценическому воплощению пьесы Гоголя. Отсюда то укрупнение планов, то сгущение сатирического эффекта в лучшем смысле слова, то резкое и вместе с тем убедительное подчеркивание узловых моментов в развитии действия, в репликах персонажей, которое делает столь ощутимой и наглядной обличительную идею комедии.

Гениальное прозрение Гоголя в том и заключалось, что, делая героями своей пьесы шулеров, он вместе с тем показывал, что шулерство — это сама природа эксплуататорского буржуазно-дворянского общества, что оно только доводит до логического конца, до почти откровенного обнажения мерзкую циническую суть «философии» и «этики» правящих.

Как примечателен в этом отношении в спектакле рассказ Швохнева — В. Лепко о «необыкновенном ребенке», что называется от младых ногтей дошедшего до феноменального совершенства в карточных плутнях. Сатирический, поистине убийственный смысл этого рассказа великолепно передан артистом. У Швохнева, который сразу же, с первого своего выхода возбуждает невольную настороженность и отвращение, в эту минуту неожиданно появляются почти лирические, задушевные интонации. И они вполне искренни. Человек говорит о том, о чем он может только мечтать,— о своего рода идеале: «Ну, мальчик, просто ребенок, мне по плечо не будет, и в глазах ничего нет особенного. Начал он метать — я просто потерялся. Это превосходит всякое описанье».

Не менее сатирически остро звучит и следующее за рассказом о «необыкновенном ребенке» рассуждение Утешительного — А. Ячницкого о распределении работ, как он выражается, имея при этом в виду «почтенного человека», вся обязанность которого состоит в том, чтобы «разобрать крап всякой карты и послать от себя только ключ».

Однако еще более выразительным штрихом в образе Утешительного и в спектакле в целом оказывается реплика: «В игре нет лицеприятия. Игра не смотрит ни на что. Пусть отец сядет со мною в карты — я обыграю отца. Не садись! здесь все равны». Утешительный — Ячницкий произносит эти слова с пафосом, почти исступленно, с какой-то особой, дикой энергией. Да это и понятно, оправдано. Так же, как Швохнев искренен в своем «умилительном» рассказе о «необыкновенном ребенке», так искренен в приведенной реплике и Утешительный. Здесь он без маски, и потому отчетливо проступает в нем хищник, готовый расправиться с кем угодно.

Хорошо передает Г. Доре одержимость Ихарева. Веришь в то, что человек, действительно, сделал себе кумир из искуснейшим образом подобранной колоды карт, что он весь в бьющей его лихорадке стяжания, азарта, жертвой которой он и становится, доверившись Утешительному. Исполнитель убедительно передает и нервное волнение Ихарева, когда он не может найти в гостинице простака, которого он мог бы обыграть, и его радость, когда, как ему кажется, такой простак наконец-то нашелся, и его финальное отчаяние, когда он убеждается, что сам стал обманутым простаком. Это отчаяние, чем оно искреннее и даже патетичнее, тем оно смешнее и разоблачительнее, тем острее выражает сатирическую направленность всей пьесы.

Однако не все моменты в роли равно сатирически действенны. Несколько смазана саморазоблачительная, по сути дела, программа приобщения к просвещенному обществу в случае полного успеха затеянной аферы, излагаемая Ихаревым: «Теперь вот я обеспечен. Теперь время у меня свободно. Могу заняться тем, что споспешествует к образованью. Захочу поехать в Петербург — поеду и в Петербург...» и т. д. Исполнителю следовало бы поискать дополнительные штрихи, подчеркивающие всю ничтожность, всю пошлость этих мечтаний Ихарева. Г. Доре стоит также освободиться от налета той «демоничности», которая противопоказана реалистическому строю образа.

В раскрытии сатирического замысла Гоголя в спектакле Театра сатиры, как и в самой пьесе, важное место занимают и все другие персонажи. Хорошо и остро передают стиль гоголевской комедии и Кругель — Ф. Димант, и старик Глов — Д. Каданов, и младший Глов — О. Солюс, и Замухрышкин — Г. Тусузов, и слуги — Алексей — Ю. Гомозов и Гаврюшка — В. Байков. Можно, правда, упрекнуть О. Солюса, создавшего яркую фигуру молодого Глова, в том, что до своего разоблачения он слишком всерьез играет гусара-забияку. В чем-то и где-то надо было бы более отчетливо подчеркнуть мнимость этого Глова, — конечно, для зрителя, а не для Ихарева.

Но не этот частный недостаток, как и некоторые другие, определяет лицо постановки. В целом — это значительное и оригинальное сценическое прочтение Гоголя.

И если сатирическое начало сильнее проступит в «Завтраке у предводителя», то весь спектакль «Страницы минувшего» приобретет еще большую законченность и художественную цельность.

Б. РОСТОЦКИЙ

Федор Васильевич Гладков

Федору Васильевичу Гладкову

Дорогой Федор Васильевич!

Правление Союза советских писателей СССР горячо поздравляет Вас с семидесятилетием и приветствует в Вашем лице одного из основоположников советской литературы. Начав свою литературную деятельность на рубеже нашего века, Вы отдаете весь свой талант служению рабочему классу, его революционному делу, борьбе за осуществление высоких идеалов человечества — борьбе за коммунизм.

Поэзия социалистического труда во весь голос прозвучала со страниц Вашего романа «Цемент», который стал важнейшей вехой в развитии послеоктябрьской русской литературы и оказал влияние на литературу наших братских республик.

Год за годом крепло и совершенствовалось Ваше мастерство, нашедшее свое яркое воплощение в Ваших автобиографических произведениях «Повесть о детстве» и «Вольница». Книги эти, удостоенные Сталинской премии, заслуженно пользуются любовью народа.

Ваш повседневный писательский труд, Ваша активная общественная деятельность и высокая требовательность к себе стали примером для всех поколений советских писателей и особенно для молодежи.

Правление Союза советских писателей СССР желает Вам, дорогой Федор Васильевич, сил, здоровья и долгих лет жизни и творчества.

А. Фадеев, А. Сурков, К. Симонов, Н. Тихонов, А. Корнейчук, А. Софронов, А. Твардовский, К. Федин, Л. Леонов, Ф. Панферов, Н. Грибачев, Б. Горбатов, В. Кожевников.

БОЛЬШОЙ ХУДОЖНИК

Исполняется 70 лет одному из крупнейших советских писателей — Федору Васильевичу Гладкову. Значительность и своеобразие дарования писателя ярко сказались еще в его ранних произведениях. Гладков — один из тех литераторов, за работой которых пристально следил, свежесть и силу таланта которых еще в дореволюционную пору отмечал М. Горький. Однако наибольшую глубину содержания, наибольшую яркость формы произведения Ф. В. Гладкова обрели в условиях социалистического общества. Став одним из зачинателей нового, порожденного величайшей в мире революцией искусства, Ф. В. Гладков нашел себя как большого художника русского слова. Скоро 30 лет исполнится «Цементу» — одному из первых эпических обобщений грандиозных перемен, происшедших в России, роману, пользующемуся всемирной известностью. А новые произведения писателя, появившиеся в последние годы, показывают неувядаемую свежесть его дарования.

Общественные и литературные истоки творчества Ф. В. Гладкова очень отчетливо выявлены в рассказе, открывающем его новое собрание сочинений,— «Три в одной землянке». Под ним стоит дата — 1905 год. Широкому читателю этот рассказ был до сих пор не известен. Бушующее море народного гнева, готовое опрокинуть все преграды, — вот его тема, идея, колорит. Это содержание выражено в литературной форме, заставляющей говорить о Гладкове как верном соратнике великого основоположника пролетарской литературы М. Горького. Одна из наиболее примечательных черт этого превосходного произведения — напряженная духовная жизнь, интеллектуальная значимость и сила его героев. Для того, чтобы так изобразить простых людей, надо очень хорошо знать и любить их, быть самому плотью от плоти народа. Три простые русские женщины, брошенные на самое дно жизни насильническим строем, изображены в этом рассказе; у каждой из трех — свой характер, своя душа, своя неповторимая судьба, а все три дают очень ясное представление о том, что больше всего пленяло и пленяет Ф. Гладкова в народном характере, в народной душе. В Дарье отчетливо выражены любовь к труду, умение и желание творить новые материальные ценности на земле, которая может стать цветущим садом, если на ней хозяевами станут простые люди, труженики. В Насте воплощена поэзия этого цветущего сада, возделываемого руками трудящихся; труд и поэзия неотделимы друг от друга — такова мысль писателя. В Варваре воплощены энергия, сила, воля народа. Писатель показывает, что та сила, которая живет в народе, непреоборима: «не сломить, не взять, не подчинить ее никому и никогда». Горьковским духом веет от этой романтики смелой, гордой, готовой на борьбу с темными силами, непреклонной человеческой души. Именно Горький заново открыл в литературе простого человека, его ум, его умение постигнуть, интеллектуально освоить сложнейшие закономерности жизни, и эту горьковскую тенденцию продолжал в своем творчестве Ф. В. Гладков.

Роман «Цемент», созданный Ф. Гладковым в первое революционное десятилетие, не случайно приобрел мировую славу; в нем нашли художественное воплощение важнейшие жизненные процессы, характеризовавшие новый, небывалый на земле общественный строй. Известно, какое огромное, поистине определяющее для всех сторон советской жизни, значение придавал В. И. Ленин созданию новой дисциплины труда, новых форм общественной организации труда. В. И. Ленин указывал, что «для Советской власти именно организация труда в отдельных крупнейших предприятиях и в отдельных деревенских общинах является самым главным, коренным и злободневным вопросом всей общественной жизни». Непреходящее значение романа Гладкова заключается в том, что он одним из первых в нашей литературе показал революцию не только как силу, разрушающую старое, но и как силу, созидающую новые формы общественной связи, новую дисциплину труда. Художественная прелесть этого произведения состоит прежде всего в том, что общественно значительные явления и процессы выражены писателем в целом ряде душевных и моральных коллизий и конфликтов. В «Цементе» запечатлены самая атмосфера, самый дух нашей жизни в первые годы советской власти, показано то, чем жили люди в те, сейчас уже далекие, годы. Интересно, как меняется восприятие этой книги читателем: и теперь молодой читатель, не помнящий уже тех величественных, трудных и прекрасных дней, воспринимает книгу Ф. Гладкова почти как исторический документ. В этом — не слабость, а сила «Цемента».

В этом прославленном романе о труде читателя поражает то, что здесь почти не изображены производственные процессы в непосредственном виде. О самом процессе восстановления завода, о технической его стороне рассказано очень коротко — и только в самой последней главе романа, непосредственно перед тем, как изображается самый пуск восстановленного завода. Чем же в таком случае заполняется повествование? Изображением той общественной борьбы, которой сопровождалось восстановление завода, показом того, как в напряженнейшем общественном конфликте развиваются и определяются человеческие характеры. Главный драматический конфликт «Цемента» сюжетно воплощен в показе борьбы Глеба Чумалова за проект восстановления завода с противоборствующими силами косности, равнодушия, эгоизма и прямого вредительства на производственном фронте. Специфичность построения книги Ф. Гладкова в том, что этот главный конфликт в ней доводится до предельного напряжения, очень четко дана перспектива решения этого конфликта, но фабульная сторона конфликта остается нерешенной. Глебу Чумалову относительно легко удается справиться с откровенными проявлениями бюрократизма, буржуазной косности и саботажа, с людьми типа Шрамма. Потопить идею восстановления завода в ворохе бумажек о пресловутой «нерентабельности» не удалось. Чумалов и те общественные силы, которые стоят за ним, одержали победу. Завод восстановлен и готов к открытию, происходит митинг, и на вышке произносят речи Бадьин и Чумалов, готовые вцепиться друг другу в горло. Финальная сцена романа — одна из сильнейших в нем, она насыщена огромным содержанием, она отличается необычайной художественной смелостью. Чумалов победил, но главный его враг, не побежденный, стоит с ним рядом, с ним надо будет бороться еще долгие годы. Характер Бадьина выявлен в романе очень выпукло, типичность его несомненна. Кто такой Бадьин, на какие общественные силы он опирается? Бадьин — умелый организатор, человек большого ума и большой силы, но он подменяет пробуждение инициативы масс администрированием, живое дело — казенщиной, творческое соревнование — карьеризмом, конкуренцией. Бадьин страшнее Шрамма не только потому, что он прикрывается партийным билетом, и не только потому, что он умнее и значительнее, но прежде всего тем, что он умеет опираться на силу пережитков буржуазной жизни, на силу привычки к эгоистическому существованию. Борьба не кончена, она будет продолжаться, исход ее ясен и закономерен, но нельзя недооценивать ее трудности — вот смысл финала, вот смысл той кажущейся недовершенности, которой отмечен конфликт романа.

Эта кажущаяся недовершенность конфликта нужна и для раскрытия главных положительных героев — Глеба Чумалова и Даши. Их взаимоотношения тоже представляются нераскрытыми до конца и как бы недовершенными. В этих образах главное — особая романтика устремленности в будущее, горения, человеческой чистоты. И может быть, именно эта устремленность в будущее объясняет нам больше всего существо их моральной коллизии. В их отношениях многое сейчас для нас неприемлемо, но мы понимаем, что огромнейшее событие мировой истории, активными участниками которого они являются, заставило их по-новому взглянуть на личные взаимоотношения. Глеб и Даша бесповоротно отказались от старой морали и не нашли еще новой, рождающейся в общественной борьбе. И вот эта незавершенность конфликта — уже не кажущаяся, а реальная — составляет опять-таки одну из главных особенностей книги. Особая интонация в романе — это раздумье над сложностью человеческой судьбы, раздумье над трудностью жизни, над трудностью личных отношений людей, втянутых в грандиозный исторический конфликт.

После «Цемента» Ф. В. Гладков много лет работал над «Энергией». Этот роман не стал такой же бесспорной удачей всей советской литературы, какой стал «Цемент». При всех положительных сторонах книги в ней вместе с тем очень отчетливо проявились свойственные творчеству Ф. В. Гладкова конца двадцатых и начала тридцатых годов противоречия. В основу романа лег жизненный материал, связанный со строительством Днепростроя. Внешние эффекты «производственного романа» не могли прельщать Ф. В. Гладкова,— он решительно отказался от них уже в «Цементе». Человеческие судьбы, рост характера в процессах труда, рождение и развитие новой морали, новых взаимоотношений между людьми — вот что волновало Ф. В. Гладкова в его новом романе. В «Энергии» во многом должна была найти свое завершение, художественное решение моральная проблематика «Цемента». Образы Глеба Чумалова и Даши не случайно появились снова в «Энергии», и многое в их личных взаимоотношениях прояснилось именно в новом романе Ф. Гладкова. В центре романа стоят взаимоотношения Мирона Ватагина и Ольги. Эти образы, по замыслу автора, продолжают образы Глеба и Даши. В романе много интересного и значительного, в отдельных его линиях есть настоящий драматизм, очень острое чувство современности, но во многом он является для автора самоповторением. Если в «Цементе» кажущаяся недовершенность конфликта при очень четкой внутренней характеристике исторического и политического смысла центральных образов была закономерным художественным приемом, то в «Энергии» такая же точно обдуманная недовершенность личной судьбы Ватагина и Ольги во многом представляется уже литературной условностью.

В предвоенные и военные годы писатель продолжал упорно работать, ни на минуту не отставая от жизни. Он создал ряд новых значительных произведений, стремясь все глубже и глубже постичь закономерности советской жизни, постичь и художественно воссоздать характеры советских людей. И, наконец, в послевоенные годы писатель обратился к работе над трилогией, две части которой уже завоевали широкую известность.

«Повесть о детстве» и «Вольница», как об этом свидетельствует сам писатель, созданы по прямому совету М. Горького. В этих замечательных книгах с не меньшей силой, чем в ранних рассказах Ф. В. Гладкова, ощущается его тесная связь с горьковской традицией. Дело исследователей творчества Ф. В. Гладкова — выяснить эту связь более детально и конкретно; по идейной своей установке эти книги наиболее тесно и явно связаны с автобиографической трилогией М. Горького. Ф. Гладков с огромной силой, бесстрашием, реалистической правдивостью изображает то, что Горький определил словами: «свинцовые мерзости» жизни. Страшная, полная всяческих лишений, надругательств над человеческой личностью, жизнь крестьян в старой русской деревне, простых людей в провинциальном городе, на каспийских промыслах изображена Ф. В. Гладковым с огромной пластической силой, с подлинной страстью отрицания. С другой стороны, столь же художественно выпукло изображен революционный протест, охватывающий миллионные массы простых людей. На прошлое Ф. В. Гладков смотрит не глазами бесстрастного наблюдателя, он смотрит на него с вершины социализма.

Мы знаем, как много писала, скажем, предреволюционная русская литература о нашей старой деревне. Иван Бунин изображал мужика играющим неких таинственных, загадочных, почти мистических сил. Существо темное и грозное, трагическое в своем алогизме, подверженное власти мрачных инстинктов, — таким встает простой русский человек со страниц изысканных рассказов И. Бунина. В автобиографических повестях Ф. В. Гладкова есть несомненная, нескрываемая полемика с таким отношением к образу простого русского человека. Гладков, не утаивая ничего мрачного и темного в старой русской жизни, реалистически точно, исторически конкретно его истолковывая, объясняя его социальные истоки, дает в то же время поэзию народной жизни, поэзию положительных характеров. Поэзия народной жизни воплощена многообразно — тут и сцены труда, духовно приподнимающего, озаряющего светом творчества простых людей (сцены молотьбы, косьбы в «Повести о детстве»), тут и сцены быта, овеянные поэзией эпоса, тут и поэзия личных отношений. Ф. В. Гладков создает цельные, художественно мощные характеры простых людей, ищущих правды, не приемлющих грязи и лжи собственнических отношений, такие характеры, как образ матери, образы Паруши, Кати, Петра, Микитушки из «Повести о детстве», образы Раисы, бондаря Гриши из «Вольницы». Через обе книги проходит одна важная «подтекстовая тема» — это тема **песни**. Здесь речь идет не просто о любви к песне, свойственной простому русскому человеку. Тема песни в автобиографических повестях Ф. В. Гладкова — это тема душевной приподнятости, поэтичности, окрыленности, характеризующих простого русского человека. Эти книги являются органическим продолжением всего творческого пути Ф. В. Гладкова. Вместе с тем есть в них и новые идейно-художественные качества. И именно потому, что большой мастер поставил здесь перед собой новые задачи, именно потому, что он не останавливается в своем развитии, а идет вперед, именно поэтому в автобиографических повестях особенно отчетливо ощущается связь творчества Ф. В. Гладкова с традициями классической русской литературы.

Свое семидесятилетие маститый писатель встречает крупными литературными достижениями, — многомиллионный советский читатель, любящий и ценящий творчество Ф. В. Гладкова, желает в эти дни новых, еще больших успехов молодому душой художнику.

Павел ГРОМОВ

Мужчины не помещались в кабинах. К шатрам выстраивались полуодетые очереди, но кабины не освобождались, потому что брюки гладились по второму разу.

Брюки были необходимы, и каждого входящего Павелецкий и Гусааков встречали, как родного. И немедленно раздевали.

При всей фантастичности этого мероприятия, Павелецкий действовал с железной логикой профессионального очковтирателя. Брюки, как таковые, его не интересовали — они были лишь средством, мелкой деталью в крупной шулерской игре с процентами, игре, которую Павелецкий вел уже не в первый раз. С таким же успехом мог бы он пересаживать с улицы на улицу одни и те же деревья для того, чтобы перевыполнить план озеленения или, работая на транспорте, бессмысленно гонять порожняк, чтобы затем рапортовать о рекордном пробеге паровоза.

Когда вы встречаете в магазинах кошмарные пояса и сандалеты из целлулоидных обрезков, которые никогда еще не купил ни один нормальный человек, вы можете быть уверены, что эти товары, сделанные из утиля и годные только обратно в утиль, выпустил в погоне за процентами товарищ Павелецкий.

Когда вы видите дом, выкрашенный только по фасаду, под крышей, сверкающей свежей краской только со стороны улицы, вы не ошибетесь, предположив, что стройконтора, производившая эти работы, уже рапортовала о досрочном выполнении плана и что руководит ею если не сам Павелецкий, то один из его двойников.

Когда вы заходите в спортивное общество, гордящееся рекордами одного из своих питомцев, и убеждаетесь в том, что, кроме этого рекордсмена, массовый физкультурный актив общества составляют лишь старушка-уборщица и малолетние дети сторожа при стадионе, — не сомневайтесь в том, что во главе этого спортобщества стоит кто-то из Павелецких.

Но где бы ни проявлялись павелецкие методы — на крупном ли заводе или в маленьком комбинате бытового обслуживания, — всюду, как только эти процентные фокусы оказываются разоблаченными (а это случается неизбежно), они вызывают негодование всех честных тружеников.

Именно это негодование и заставило Семена Семеновича отставить утюг и устремиться в кабинет своего начальника.

Сейчас товарищ Павелецкий слушал горячую, взволнованную речь Гребешкова. С первых же слов Павелецкий понял, что встретился с уличающей его критикой и, следуя давно приобретенному уменью, сразу морально рухнул на колени.

— Верно, товарищ Гребешков! — стонал он. — Правильно! Не продумали мы!.. Не додумали... Бить нас надо... Прорабатывать и поносить!

— Это уж я не знаю, как у вас будет, — строго сказал Гребешков. — А я лично скажу! Я все на общем собрании скажу! Это ж обман зрения, а не работа! Треску много, а толку никакого. Как старая пословица говорит: «Стриг чорт свинью, ан толку мало — визгу много, а шерсти нет». Вместо людей одни рекорды вы видите, да и те липовые. Это все равно, что вожатый на пустом трамвае будет график выполнять, а я в это время на работу пешком бегать буду! Гладил, гладил и все зря! — почти кричал тихий Семен Семенович. — Нет, я вам не кролик, товарищ Павелецкий! И не смотрите на меня так!

— Как удав на кролика? — с неуверенной иронией бросил Павелецкий.

— Нет, вы не удав... — прокричал Гребешков и стукнул маленьким кулачком по столу. — Вы не удав, товарищ Павелецкий, но вы змея, очки втирающая!.. Потому что для себя вы, оказывается, задумали этот несчастный рекорд — для себя, а не для пользы дела...

— Правильно... — неожиданно печально вздохнул Павелецкий и, насколько мог, мягко добавил: — вот только людей жалко...

— Каких людей? — спросил Семен Семенович.

— Раздетых, — ответил Павелецкий, — заказчиков. Они из-за наших ошибок страдают... — и машинально он добавил: — мало нас бьют, мало!.. Ведь месяц уже ждут.

— Как месяц? — удивился Семен Семенович, — почему?

— Брюк ведь не хватало, — пояснил Павелецкий. — Пар по десять в день приносят, не больше. Пришлось копить. Целый месяц не гладили ради сегодняшнего дня... Я всем назначил на завтра. Завтра придут люди, а брюк нет. И в кабинах сидят. Хорошо это?..

— Но я ведь все уже выгладил, — растерянно сказал Семен Семенович.

— А я все опять измял, — вздохнул Павелецкий. — Готовил вам фронт работы... Недопонял!.. Проявил недомыслие!..

— Ну, хорошо же! — воскликнул Семен Семенович. В его голубых глазах сверкнули гнев и решимость, седенький хохолок взметнулся вверх. — Хорошо! Я выглажу!.. Только теперь уже не для процентов!

Семен Семенович вернулся в цех. Душа его была опустошена, напрасно затраченное вдохновение не возвращалось. Тем не менее он работал — долг и злость подгоняли его.

Семен Семенович торопился. В куче мятых брюк нельзя было определить, какие именно принадлежат несчастным страдальцам, сидящим тут же, в репсовых темницах; единственным способом удовлетворить их — было выгладить весь запас.

Темп нарастал! Так или иначе, пусть даже против воли Гребешкова, рекордный день продолжался.

Товарищ Павелецкий метался из зала в цех, из цеха — в зал. Он подгонял Гребешкова, успокаивал посетителей, наскоро каялся и диктовал секретарше список отличившихся рядовых работников. В верхней части списка, над фамилией Гребешкова была оставлена пустая строчка на усмотрение начальства.

И тут произошла катастрофа.

Это были последние минуты смены. Уже начали раздавать выглаженные брюки клиентам. Маша вытирала слезы и подписывала квитанции. Товарищ Павелецкий уже диктовал секретарше рапорт о рекордной выработке. Все было прекрасно!

Именно в этот момент в зал влетел бледный Гусааков.

— Позор — скандал! — крикнул он. — Штаны кончились!

— Что? — холодея переспросил Павелецкий. — Как кончились?

— Не рассчитали! — пояснил Гусааков. — До рекорда не хватает двух пар!

Когда у фокусника проваливается коронный номер, он идет на все.

— Снимай! — скомандовал Павелецкий своему заместителю и начал рвать с себя штаны. — Снимай, не жалей!..

Маша ахнула и закрыла лицо руками. Но Павелецкий не обратил на нее внимания. Он величественно вышел из своих брюк, подошел к окну и патрицианским жестом запахнулся в портьеру.

— Продолжаем! — сказал он секретарше. — Пишите: «Несмотря на все трудности, рекордный показатель в тысячу процентов был достигнут ровно за восемь часов...»

И снова Гусааков прервал его. Он возник, как привидение, в белом плаще, из-под которого торчали волосатые ноги, перехваченные под коленом пестрыми резинками.

— Не хочет прекращать! — заявил он, растерянно стуча по хронометру. — Говорит: доглажу последнюю пару... А рекорд уже есть, и время кончилось! Я обсчитался — не хватало всего одной пары...

— Прекратить! — взвизгнул Павелецкий. — Я приказываю! Точность прежде всего, никакого очковтирательства!..

Гребешкова силой оторвали от утюга и привели в зал. Он очень устал. Ноги подкашивались, в глазах мелькали какие-то елочки и полоски. Он рассеянно оглядел своего завернутого в портьеру директора и почему-то не удивился.

— Все! — утомленно сказал он. — Можно раздавать! Только надо еще одну!..

Но Павелецкий перебил его.

— Не надо! Вы выполнили свой долг. Выдали тысячу процентов нормы. Хорошо это? — Это прекрасно, товарищи!..

— Но там... — попытался вставить Гребешков, указывая в сторону цеха, — там...

— Там, — торжественно подхватил Павелецкий, — сегодня родилась наша и ваша слава! Пусть же ваша слава...

— Горит! — воскликнул Гребешков.

— Вот именно горит! — согласился Павелецкий и вдруг почувствовал, что пахнет паленым.

— Так я и знал! — горестно вскрикнул Семен Семенович.

Он вырвался из рук Гусаакова и бросился в цех.

Горячий утюг, от которого его оторвали, остался стоять на последних, сверхплановых штанах.

Пахло паленым. Это горели брюки Павелецкого.

КРАХ АВАНТЮРЫ В БЕРЛИНЕ

Читателям уже известны факты о последних событиях в демократическом секторе Берлина: проникшие из Западного Берлина провокаторы, иностранные наймиты, вызвали беспорядки и прекращение работы на отдельных предприятиях демократического сектора Берлина. Предлогом для этой провокации явилось повышение норм выработки, уже отмененное правительством Германской Демократической Республики.

Демократическая германская печать справедливо указывает, что дело заключается отнюдь не в вопросе о нормах, а в том, что принятые за последние недели правительством Германской Демократической Республики решения, направленные на улучшение жизненных условий трудящихся, на исправление допущенных ошибок в практической деятельности властей и, в конечном счете, на достижение единства Германии, вызвали приступ бешенства у боннского правительства. Стремясь ослабить впечатление от принятых правительством Германской Демократической Республики мероприятий и, если удастся, сорвать эти мероприятия, фашистские последыши и иностранные наймиты пошли на гнусную провокацию.

Говоря о провокаторах, проникших в демократический сектор Берлина, немецкая газета «Берлинер цейтунг» пишет: «Поведение членов БДЯ (Союз немецкой молодежи) и других фашистских организаций на улицах Берлина, а также первые показания пойманных на месте со всей очевидностью говорят о том, что все их действия велись по заранее разработанному плану».

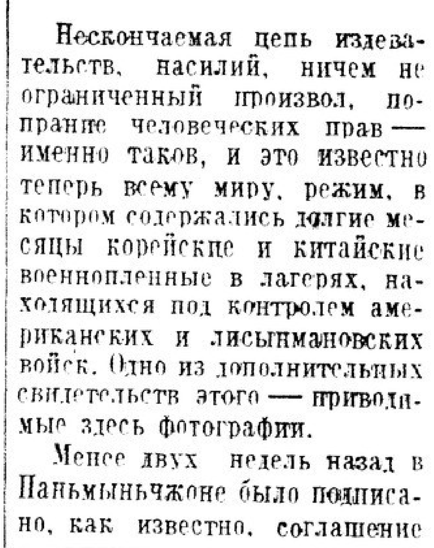
«Почему избран именно этот момент для провокации?» — продолжает «Берлинер цейтунг».— Важнейшие события, приковавшие к себе внимание всего мира и Германии, отвечают на этот вопрос... Аденауэр и его приспешники в Западном Берлине охвачены ужасом перед перспективой четырехсторонних переговоров. Они принадлежат к тем людям, для которых мир и единство означают угрозу их политическому существованию. Они принадлежат к тем находящимся в безнадежном положении людям, к которым можно отнести слова буржуазной газеты «Фульдаер цейтунг»: «Те, кто хотят правильно понять международную обстановку, должны осознать, что в мире наряду со страхом перед войной существует такой же реальный страх перед миром».

Еще одно обстоятельство подчеркивает другая берлинская газета «Нейес Дейчланд». «Из всего этого кое-кто сделал вывод,— писала вчера газета,— что новый курс (правительства Германской Демократической Республики.— **Ред.**) означает отступление и показывает слабость государственной власти. В действительности дело обстоит наоборот. Провозглашенные мероприятия могут быть проведены только с помощью сильной государственной власти. Почему же было решено провести эти мероприятия? Потому, что необходимо сделать конкретные смелые шаги, чтобы восстановить единство Германии. Потому, что такая политика отвечает интересам и чаяниям всего народа».

Провокация, как известно, провалилась. В демократическом секторе Берлина царит порядок. Демократические организации призывают трудящихся разоблачить провокаторов и сплоченно продолжать строительство единой и демократической Германии.

В Германской Демократической Республике происходят массовые собрания, участники которых клеймят провокаторов и одобряют действия и политику правительства Германской Демократической Республики. Потсдамские рабочие со строительной площадки Литцов-Форверк, обращаясь к своим берлинским коллегам, пишут: «Будьте опорой правительства Германской Демократической Республики и боритесь вместе с ним за улучшение жизненного положения трудящихся, за сохранение мира и достижение единства Германии».

ПРОВОКАЦИЯ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Дула пулеметов направлены на военнопленных, находящихся за решеткой лагеря. День и ночь у орудий — охранники-тюремщики.

Снимок из американского журнала «Лайф»

Нескончаемая цепь издевательств, насилий, ничем не ограниченный произвол, попрание человеческих прав — именно таков, и это известно теперь всему миру, режим, в котором содержались долгие месяцы корейские и китайские военнопленные в лагерях, находящихся под контролем американских и лисынмановских войск. Одно из дополнительных свидетельств этого — приводимые здесь фотографии.

Менее двух недель назад в Пханмыньчжоне было подписано, как известно, соглашение о принципах репатриации военнопленных: те из них, кто отнесен к категории пленных, не репатриируемых непосредственно, должны быть переданы под опеку комиссии из представителей нейтральных государств. Это соглашение открывает перед томящимися в американских лагерях военнопленными перспективу освобождения от режима насилия, перспективу восстановления их человеческого достоинства.

Теперь, в результате провокационного акта лисынмановской клики, десятки тысяч корейских военнопленных стали жертвами нового насилия — южнокорейские марионеточные войска инсценировали их «освобождение» из лагерей. Подлинный смысл этой «операции по освобождению» характеризуется тем фактом, что она сопровождалась новым кровопролитием, новыми убийствами военнопленных. По сообщению лондонского радио, только в одном из лагерей близ Сеула в ходе «освобождения» было убито 33 и ранено около 100 корейских военнопленных. Лисынмановская охрана, как свидетельствует иностранная печать, «помогая военнопленным «бежать», подгоняла их... гранатами со слезоточивым газом!

Агентство Синьхуа указывает, что «так называемое «освобождение» военнопленных лисынмановскими бандитами в действительности означает удаление военнопленных из лагерей с помощью силы и тайных агентов в целях мобилизации их в марионеточную лисынмановскую армию». Это подтверждается сообщением корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс из Пусана, который приводит заявление «высокопоставленного южнокорейского военного представителя» о том, что большинство из «освобожденных» военнопленных будут мобилизованы в лисынмановскую армию. Агентство Синьхуа констатирует в своем сообщении «серьезную ответственность за это и штаба американских войск». Провокация лисынмановской клики, предпринятая в момент, когда переговоры о перемирии в Корее подходят к успешному завершению, вызвала тревогу самых широких кругов мировой общественности.

Английская печать охарактеризовала действия Ли Сын Мана как «умышленную попытку сорвать переговоры о перемирии». В своем выступлении в палате общин английский премьер-министр Черчилль, заявив, что он «чрезвычайно потрясен и опечален», назвал происшедшее в Южной Корее «событием весьма серьезного характера».

Английские газеты всех направлений резко осуждают провокацию Ли Сын Мана.

«Ньюс кроникл» квалифицирует южнокорейского президента как «политического шантажиста».

В таком же духе высказывается газета «Таймс», опубликовавшая по этому поводу статью под красноречивым заголовком «Саботаж». Назвав предпринятый Ли Сын Маном шаг «непростительным», газета пишет: «Будущее покажет, не существует ли более разумной партии, которая могла бы взять в свои руки власть в Южной Корее...»

«Поступок Ли Сын Мана,— отмечает в редакционной статье газета «Дейли мейл»,— может уничтожить успехи, медленно и с трудом достигавшиеся в течение двух лет...» И далее «Дейли мейл» пишет: «Даллес заявил вчера в Вашингтоне, что Объединенные нации «действовали и действуют добросовестно». Правильный способ доказать это состоит в том, чтобы отделаться от Ли Сын Мана... Если необходимо, нужно избавиться от всего его правительства».

Столь же серьезное осуждение провокационные действия Ли Сын Мана встретили у общественности других стран. По словам парижского радио, «освобождение» военнопленных в Южной Корее вызвало «сильное беспокойство во французских авторитетных кругах», которые опасаются, что это снова задержит подписание соглашения о перемирии. Как сообщает радио Монреаля, «представитель канадского министерства иностранных дел указывает, что Канада не может простить Южной Корее того, что она сделала».

Эти, как и многие другие, высказывания зарубежной печати убедительно свидетельствуют, что провокационные действия противников мира, попрежнему пытающихся ставить палки в колеса переговоров о перемирии в Корее, вызывают законное осуждение со стороны самых широких кругов мировой общественности.

Сеть, сплетенная из колючей проволоки, перекрывает кузов большого грузовика. За проволокой — китайские и северокорейские военнопленные, транспортируемые из одного лагеря в другой. На машине, сопровождающей грузовик, — солдаты-тюремщики с пулеметами, наведенными на военнопленных.

Снимок из английского буржуазного журнала «Сфир»

Корейских и китайских военнопленных охранники заставляют сидеть, не шелохнувшись, скрестив руки над головой.

Снимок из английского буржуазного журнала «Сфир»

Международная почта

„ПОДРЫВНОЙ“ ЦВЕТ

Своеобразное искусствоведческое открытие сделано в США: оказывается, в живописи таятся большие опасности, причем не только тематического, но и цветового характера. Есть, выясняется, цвета подрывные, цвета нелойяльные, цвета антиамериканские!

Началось с того, что в палату представителей американского конгресса республиканец Губерт Скаддер внес законопроект, требующий немедленного уничтожения стенной росписи, сделанной прогрессивным американским художником Антоном Рефреджиром в здании почтамта в Сан-Франциско. Мистер Скаддер ограничился тематическим разбором этих фресок, отображающих отдельные эпизоды истории страны. Изображения линчевания негров и эксплуатации индейцев недопустимы, по его мнению, не потому, что они не соответствуют истине — они соответствуют! — а потому, что правду благоразумнее скрыть. Разоблачения, сделанные художником, «вредны», и поэтому, считает Скаддер, фрески надо уничтожить.

Как сообщает лондонская газета «Дейли уоркер», конгрессмена Скаддера активно поддержал некий реакционный «деятель» Уолдо Постел. С яростью набросился он на фреску Антона Рефреджира, символически изображающую свободу слова, печати, совести и тому подобные «недопустимые вольности». Но свой «анализ» он произвел в основном по линии, так сказать, колористической, положив в его основу принцип: «Скажи мне, какого цвета картина, и я скажу тебе, хороша ли она».

Уолдо Постел необычайно взволнован, например, тем обстоятельством, что у одного персонажа, нарисованного художником, «повязан красный галстук», а другой персонаж «читает книгу в красном переплете» (!). И вообще, выходит из себя Постел, «преобладающий цвет картины — красный». Следовательно, и вся фреска **красная**. Вывод: «Эти фрески имеют явно подрывной характер и призваны распространять коммунистическую пропаганду». Уничтожить, стереть, испепелить живопись требует Постел...

Лиха беда начало: эта история с сан-францисскими фресками того и гляди наведет сенатора Маккарти на мысль организовать (в порядке обеспечения безопасности США) «чистку» картинных галерей от «подрывных» произведений старых мастеров по принципу, изобретенному Уолдо Постелом...

КОЩУНСТВО РЕКЛАМЫ

Гёте был врагом куренья
И курильщиков бранил.
Он иного был бы мненья,
Если б «Фэйр» себе купил.

Эти разухабистые стишки под карикатурным изображением Гёте «украшают» рекламу американских сигарет «Фэйр», помещенную в швейцарской буржуазной газете «Вельтвохе».

В своем стремлении к наживе торгаши и бизнесмены окончательно утратили всякое чувство меры. С циничным безразличием они готовы напоить Джоконду аперитивом, угостить Гамлета жевательной резинкой, заставить Вольтера покупать «кока-кола»...

Теперь они добрались до Гёте. Бесстыдная реклама, которую мы воспроизводим, может служить еще одним наглядным свидетельством того, как буржуазная печать «чтит» память великих классиков и «ценит» их творчество.

ФАНТАЗИЯ И ЖИЗНЬ

Это произошло сравнительно недавно. Во время очередных маневров американских войск, находящихся в Западной Германии, на солдат были сброшены с самолета тысячи листовок. «Маневры — легким способом»,— гласил заголовок на этих листовках.

Что же представляет собой рекомендуемый американским военным командованием «легкий способ»? Текст поясняет: «Психиатры были правы, когда говорили: «Жизнь — это то, что мы сами из нее делаем». Возьми, к примеру, эти маневры. Они могут быть тяжелыми и мучительными, но для людей с некоторой фантазией они могут стать источником приятных переживаний».

Перечень «полезных советов» заключается следующими словами: «Эти маневры не должны приносить тебе никаких огорчений. Единственное, что тебе нужно, это — немножко фантазии».

Итак, «немножко фантазии»! Этот призыв стал своего рода лейтмотивом циничной американской пропаганды. Безработных и обездоленных людей буржуазные журналы наперебой уверяют в том, что им не хватает только «немного фантазии», чтобы бодро мириться с лишениями и тяготами. Нищета, видите ли, обогащает жизнь человека «интересными» и «увлекательными» переживаниями, хронический голод — не что иное, как средство продления жизни: всем, мол, известно, что излишнее ожирение ведет к различным заболеваниям, и так далее...

Эту пропагандистскую песенку бодро подхватывают атлантические журналисты в Западной Европе. Надо же как-то «успокоить» людей, не на шутку встревоженных резким снижением жизненного уровня!

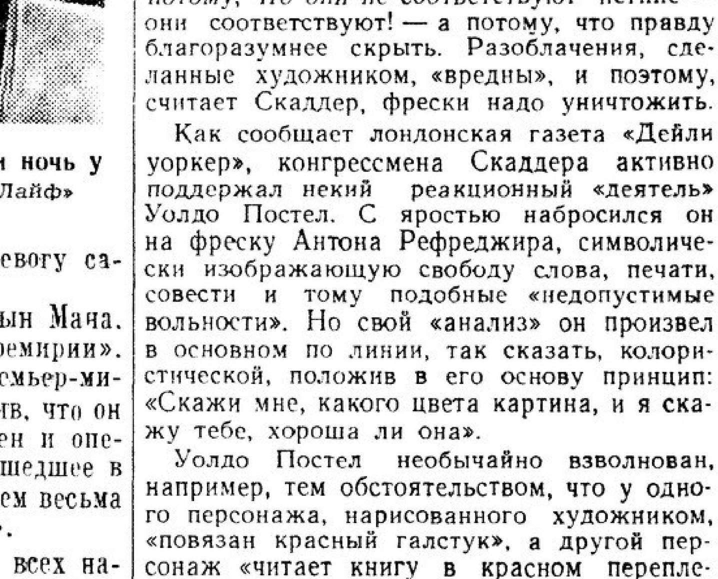
Вот, например, норвежский социал-демократический журнал «Контакт». В одном из его последних номеров была помещена статья некоего Торлейфа Эйсанга под названием «Жизненный уровень и счастье». Как же подходит господин Эйсанг к освещению этой проблемы? Знакомая «терминология»: «Большинство людей желает повышения жизненного уровня и считает само собой разумеющимся, что именно это, и ничто другое, должно быть конечной целью всякой деятельности цивилизованных и культурных людей», — возмущается автор.

Однако, если послушать Торлейфа Эйсанга, дело совсем не в этом. Оказывается, «понятие счастья или радости — это в конечном итоге не что иное, как психическое состояние и, следовательно, носит нематериальный характер».

Итак, по американскому рецепту: «Немножко фантазии, и вы перестанете ощущать бремя гонки вооружений!»

МАЛОЛЕТНИЕ ПРЕСТУПНИКИ

«Трудно представить себе, что дети могут быть бандитами или убийцами. Однако это действительно так», — говорится в одном из сообщений агентства Ассошиэйтед Пресс из США. «Одним из наиболее тревожных сигналов является то, что данные свидетельствуют о росте тяжелых преступлений».

— Что еще обвиняемый может сказать в свое оправдание?

Рисунок из голландской буржуазной газеты «Фолькскрант»

По сообщению того же агентства, бостонский судья Джон Коннели рассказал, что шайки несовершеннолетних бандитов избивают и грабят людей, пуская в ход ножи.

Газета «Нью-Йорк таймс» писала, что ежегодно американская полиция арестовывает около миллиона детей. А газета «Вашингтон пост» сообщает, что прошлый год был «рекордным» по числу совершенных детьми преступлений. Детская преступность в Вашингтоне превысила на 60,5 процента уровень 1951 года.

МИЛЛИОНЫ НЕГРАМОТНЫХ

Два социолога из Колумбийского университета (США) Эли Гинзберг и Дуглас Брэй написали книгу, которую озаглавили «Необразованные». В конце марта этого года она вышла из печати. Данные, приведенные в книге, свидетельствуют о наличии в Соединенных Штатах миллионов неграмотных.

Какие же факты обнародовали американские социологи? Они сообщили, например, что в дни второй мировой войны из числа людей, являвшихся в комиссии по призыву на военную службу, каждый двенадцатый человек оказался неграмотным или малограмотным. Авторы отмечают, что особенно много неграмотных имеется на юге США, где живет основная часть негритянского населения. В результате дискриминации, которой подвергаются негры, среди них в двадцать раз больше неграмотных, нежели среди белого населения северных и западных штатов.

Подобное положение наблюдается и в штате Техас — там проживает много американцев испанского происхождения. Как указывается в книге, в пяти округах этого штата, где большинство населения говорит по-испански, число неграмотных призывников особенно велико. Почти поголовно не знают грамоты коренные жители Америки — индейцы, загнанные в резервации. Так, до 90 процентов индейцев племени Навахос не умеют читать и писать.

Сельскохозяйственные рабочие — наиболее бедная, нуждающаяся категория американских трудящихся. Каждый год более 125.000 детей этих бедняков оказываются вне школы. Авторы книги «Необразованные» пишут, что «федеральное правительство тратит суммы во много раз больше на помощь перелетным птицам, чем на помощь детям этих мигрирующих семей».

НА ЗАОКЕАНСКИЕ ТЕМЫ...

— Откуда вы знаете, что арестованный — коммунист?
— А он цитировал конституцию, сэр!

Рисунок из газеты «Ню даг»

Смесь

Тех же щей... Боннские реваншисты уже позаботились о соответствующем обмундировании для солдат возрождаемого вермахта. Оно было продемонстрировано на специальной выставке во Франкфурте-на-Майне. Как сообщает английский еженедельник «Санди таймс», на «выставке» было экспонировано 65 отдельных элементов формы немецкого солдата образца 1953 года — формы, которую «министерство» Теодора Бланка именует «демократизированной». По словам английской газеты «Санди таймс», она «напоминает американское обмундирование» — ботинки вместо высоких сапог и т. д.

«Опасная» музыка. Стало известно, что 196 американских информационных центров в 64 странах получили черные списки, содержащие названия «опасных» музыкальных произведений. Среди них — симфония американского композитора Гарриса, темой которой является битва под Сталинградом, и оратория композитора Коплэнда, посвященная Аврааму Линкольну. В чем «провинились» другие композиторы, попавшие в списки, ведомство Маккарти не сообщает.

В нынешней Дании. «Признание молодой матери: «Я была вынуждена воровать, чтобы прокормить своих детей».— под таким заголовком датская буржуазная газета «Афтенбладет» поместила статью, рассказывающую о судьбе несчастной женщины, которую тяжелая нужда толкнула на путь преступлений. Таких, как она, немало в стране, американизированные правители которой поглощены военными приготовлениями...

Очередное надругательство. Началось с того, что голливудская киностудия «Метро-Голдуин-Мэйер» выпустила кощунственный фильм о датском сказочнике Андерсене. Затем в США были состряпаны «комикс» на ту же тему. Теперь, как сообщает датский журнал «Маненс блад», предприимчивые американские бизнесмены пустили в продажу резиновые подошвы под ярлыком «Андерсен».

В „РАЮ“ АДЕНАУЭРА

Почему немцы против «общего договора»

В сияющий весенний день 19-летняя Анна Тихи прогуливалась вместе со своей подругой. Это было около ее родной деревни Баушгейм, в округе Гросс-Героу в Гессене. Подъехал американский «Джип». Обе девушки отошли на обочину шоссе. Но «Джип» продолжал двигаться на них. Девушки бросились в поле. Машина, сделав поворот, погналась за девушками и через 50 метров сшибла Анну Тихи буфером, отбросив ее в сторону, а потом переехала. Девушка была убита. Ее убили намеренно, по капризу.

Так выглядит «общий договор» в действии еще до того, как он окончательно ратифицирован.

Три ночи подряд жители британской зоны оккупации в тревоге вскакивали с постели. На бреющем полете над Гамбургом и Килем, над городами и деревнями Нижней Саксонии и Шлезвиг-Гольштейна, Вестфалии и Рейнланда пролетали бомбардировщики и реактивные истребители. Парашюты с осветительными ракетами освещали землю, а в воздухе звенели, сверкали станиоловые полосы *, необходимые для того, чтобы ввести в заблуждение радарные установки. В памяти немцев вновь были вызваны ужасные воспоминания о ночах пожаров, об огне, который низвергался с неба, о взрывах фугасок, о людях, которые горели в огне, задыхались в дыму, тонули, погибали под развалинами.

Так выглядит «общий договор» в действии еще до того, как он окончательно ратифицирован.

На заседании доверенных лиц машиностроительного акционерного общества в Киле директор Беккер заявил, что предстоит увольнение около 500 рабочих. Часть рабочих уже уволена.

Так выглядит «общий договор» в действии еще до того, как он окончательно ратифицирован.

Как сейчас стало известно, на шахте «Икерн I/II» в Кастроп-Раукселе за 12 месяцев в результате несчастных случаев было убито 10 человек и ранено 864. Это — жертвы потогонной системы, беспощадной эксплуатации горняков во имя снабжения углем военных предприятий.

Так выглядит «общий договор» в действии еще до того, как он окончательно ратифицирован.

В конце прошлой недели командующий британскими войсками передал округу Фаллингбостель приказ о конфискации 5000 моргенов ** пахотной земли. 50 немецких семей, живущих между Оберходе и Остерхольцским болотом, потеряют свою землю, свое хозяйство ради того, чтобы британские танки могли проводить здесь маневры.

Так выглядит «общий договор» в действии еще до того, как он окончательно ратифицирован.

По сведениям западногерманского объединения профсоюзов, долг 370 чиновников в одном из учреждений местного самоуправления составляет 296 500 марок. В другом учреждении каждый из 40 чиновников должен от 400 до 700 марок. Все это последствия повышения стоимости жизни.

Так выглядит «общий договор» в действии еще до того, как он окончательно ратифицирован.

В Нижней Саксонии на нужды детей и юношества требуется 18,6 миллиона немецких марок. Но в бюджете таких средств не предусмотрено. Деньги населения Западной Германии расходуются не на социальные цели, а для подготовки новой войны.

Так выглядит «общий договор» в действии еще до того, как он окончательно ратифицирован.

В Баварии в 1945 году было совершено 1 384 преступления против нравственности по отношению к детям. В 1952 году их было совершено уже 12 473. В большей части этих преступлений виновны иностранные солдаты.

Так выглядит «общий договор» в действии еще до того, как он окончательно ратифицирован.

Шофер Гюйсманн вместе с женой и двумя детьми в возрасте 4 и 11 лет живет на улице Корнштрассе в Оснабрюке в бараке на площади в 11 квадратных метров. На этой площади семья должна жить, спать и готовить. В то же время для иностранных офицеров в Оснабрюке построены квартиры общей стоимостью в 50 миллионов марок.

Так выглядит «общий договор» в действии еще до того, как он окончательно ратифицирован.

Против военных договоров борется весь немецкий народ.

36 женщин из Баден-Бадена написали депутату бундестага, члену Христианско-демократического союза: «Мы требуем от вас, как депутата от нашего округа, выступить против «общего договора», чтобы расчистить, наконец, дорогу для мирного договора».

Депутаты от коммунистической и социал-демократической партий в городе Кербене близ Кельна, несмотря на сопротивление аденауэровской коалиции, добились принятия городским муниципалитетом энергичного протеста против строительства аэродрома для реактивных бомбардировщиков.

«Интернационал противников военной службы» роздал в Гамбурге десятки тысяч листовок с подписью: «Общий договор — угроза для Германии». Видные представители организации бывших участников и жертв войны из Франции, Италии и Германии провели конференцию в Штутгарте, заявив единодушно, что военные договоры являются серьезной угрозой миру, независимости и суверенитету этих народов.

Эстафета западногерманской молодежи, в которой приняли участие более 20.000 западногерманских спортсменов, несмотря на полицейские преследования, доставила в Бонн письмо. В этом письме молодежь резко выступает против «общего договора» и против парижского пакта о «Европейском оборонительном сообществе».

15 миллионов немцев в Западной Германии высказались на многочисленных собраниях, демонстрациях, во время народного голосования против милитаристских договоров. Но правительство США настаивает на милитаристских договорах, и Аденауэр попытался осуществить то, что он обещал Даллесу во время его пребывания в Бонне.

Летчик американской авиации зарабатывает в Корее за один только ночной налет на мирную деревню почти в четыре раза больше, чем южнокорейский генерал за целый месяц. На деньги, которые США расходуют на одного-единственного солдата своей действующей армии, они содержат 28 южнокорейских наймитов. Короче говоря, шлем на голове ими ценится дороже, чем голова под этим шлемом, — если это не американская голова. «Not our boys» («Не наши парни») должны воевать, — так сказал один из американских сенаторов.

По воле Аденауэра западногерманские юноши должны превратиться в южнокорейцев. Можно ли удивляться тому, что сопротивление растет? Можно ли удивляться, что европейский комитет рабочих выступает против ремилитаризации Германии, призывая помешать совместными и решительными действиями осуществлению военных договоров?

Можно ли удивляться тому, что 10.000 рядовых социал-демократов на ежегодной конференции окружной организации СДПГ в Нюрнберге высказались за энергичные действия против милитаристских договоров? Можно ли удивляться тому, что все большее число членов профсоюзов открыто выражают свое негодование по поводу поведения своих руководителей, на словах выступающих против военных договоров, а на деле поддерживающих эти договоры?

Немецкий народ сознает, что в нынешней обстановке необходимо сделать все, чтобы сорвать милитаристские договоры.

Боннский и парижский договоры враждебны миру, враждебны единству нашей родины.

Карл Эдуард ШНИЦЛЕР

БЕРЛИН

* Особый сплав олова, нарезанный тонкими пластинками, применяемый для дезориентации радарных установок. (**Ред.**).

** Морген — от 25 до 36 ар. (**Ред.**).

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б01280.